

Лиз
Бехмоарас

Время
любить

Лиз Бехмоарас
Время любить

Издательский дом «Книжники»

2015

УДК 821.512.161
ББК 84.5(Туц)-44

Бехмоарас Л.

Время любить / Л. Бехмоарас — Издательский дом «Книжники»,
2015

ISBN 978-5-906999-96-2

История Ромео и Джульетты в XX веке могла бы выглядеть и так. Мусульманин и еврейка, студенты-медики Стамбульского университета, влюбляются друг в друга. На дворе 1940 год, все больше стран и народов втягиваются в водоворот жесточайшей войны, все громче звучат в Турции голоса националистов. Обе семьи ничего и слышать не хотят о подобном союзе, и обе призывают к «здравому смыслу», но тщетно – потому что пришло время любить вопреки всему. И хотя влюбленным не придется умереть, чтобы соединиться, их великой любви предстоит пройти немало испытаний. Лиз Бехмоарас – турецкая писательница еврейского происхождения, журналистка и переводчица. Она постоянно обращается к теме евреев в Турции, жизни еврейской общины и судьбе женщины в стране. Роман «Время любить» (2011) – дебют Бехмоарас в художественной литературе.

УДК 821.512.161

ББК 84.5(Туц)-44

ISBN 978-5-906999-96-2

© Бехмоарас Л., 2015

© Издательский дом
«Книжники», 2015

Содержание

Время скорбеть	6
Декабрь 1990, Улус[1]	6
Время любить	8
Сентябрь 1940, Беязыт	8
Июнь 1935, Кадырга	13
Сентябрь 1940, Мода	16
Июль 1935, Мода	19
Сентябрь 1940, Беязыт	22
Октябрь 1940, Мода	26
Май 1924, Юксек-калдырым	31
Октябрь 1940, Мода	32
Время войне	34
Октябрь 1940, Беязыт	34
Ноябрь 1940, Мода	37
Декабрь 1940, Беязыт	40
Декабрь 1940, Беязыт – Бейоглу	43
Декабрь 1940, Султанахмет	45
Май 1928, Измир	47
Январь 1941, Мода	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Лиз Бехмоарас

Время любить

*Тебе, кто больше не живет,
в память данному тебе слову...*

*Всею свое время,
и свой срок всякой вещи под небесами...*

Когелет, 3:1

Copyright © 2015 by Liz Behmoaras – Kalem Agency
Published in agreement with Kalem Agency, through Andrew Nurnberg Literary Agency

© Издание на русском языке, оформление. ООО «ИД «Книжники», 2023

Что предстоит пережить, должно быть пережито; должно быть пережито то, что скрывают собой круги времени.

В радости не думаешь о слезах, в танце не помнишь о трауре, не мечтаешь о будущем счастье, когда все рушится вокруг... Однако смотри на все это как на единый и неделимый поток и помни: не существует ни судьбы, ни непреодолимых обстоятельств и в самые тяжелые минуты нет причин опускать руки...

Время – это не сокровищница с щедрыми дарами. Его мгновения не таят в себе ничего. Каждое из них становится только тем, чем наполнит его человек. Время создается каждой каплей сущего.

Время – чистая тетрадь, что в нее запишешь, то и прочтешь.

Время скорбеть

Декабрь 1990, Улус¹

– Доктор-бей, хотите, я помою памятник? – раздался голос сторожа.

– Потом, – отозвался мужчина.

Писатель, посетив могилу отца, уже шел к выходу, но, поддавшись любопытству, замедлил шаги и исподволь взглянул на него. Лицо мужчины, которого сторож назвал доктором, показалось неуловимо знакомым. Глаза закрыты темными очками, голова непокрыта, волосы уже седые, но густые и вьющиеся. Не похож он на еврея.

Не удержавшись, писатель остановился, чтобы рассмотреть его внимательнее. Незнакомец был из тех, кто притягивает к себе взгляды.

А тот стоял у надгробия, совершенно не замечая, что за ним наблюдают. Положил на плиту букетик зимних гиацинтов. Плотнее запахнул длинное черное пальто, поправил на шее платок и что-то прошептал. Может, он все же иудей и читает молитву? Но тогда бы не стоял у могилы с непокрытой головой.

Человек опустился на колени и обеими руками обнял надгробие, продолжая шептать.

– Доктор Исмаил-бей часто приходит сюда. Однажды он сказал мне, что так утоляет тоску по жене, – тихо произнес подошедший сторож.

Так вот кто это! Исмаил Босналы, знаменитый хирург!

Когда-то люди в очередь выстраивались, чтобы попасть к нему на операцию. Он был одним из лучших. Но занялся политикой. Газеты писали, что он опорочил себя после 12 сентября². Ходили слухи, что он пьет, что у него дрожат руки и оперировать он уже не может.

Так значит, он пришел на могилу жены.

Писатель даже вспомнил ее имя: Фрида. Фрида Шульман. Подробностей их истории писатель не знал, слышал, что для семьи Фриды ее решение выйти за мусульманина стало настоящей трагедией.

Исмаил Босналы поднялся, отряхнул пальто, вновь поправил шейный платок и направился к железным решетчатым воротам. На старых фотографиях он выглядел подтянуто, но теперь спина его сутулилась, черты лица заострились, кожа посерела. На застывшем, словно мертвом, лице отпечатались скука и разочарование.

Перед тем, как выйти на улицу, доктор сунул чаевые сторожу и произнес: «Привези сына в больницу, постараюсь что-нибудь сделать».

Писатель подошел к могиле.

«Фрида Босналы, 1921–1965».

Значит, эта Фрида умерла сравнительно молодой. А ее муж и четверть века спустя приходит на кладбище, чтобы «утолить тоску по жене». Какая преданность...

Вновь подошел сторож и сказал, глядя на надгробие:

– Парень, который до меня работал, рассказывал, что ее поначалу отказывались хоронить здесь. Мол, вышла замуж за мусульманина, большой грех по-вашему.

– А как же похоронили?

¹ Улус – район в европейской части Стамбула, где расположено еврейское кладбище. В начале каждой главы указано место ее действия, как правило, различные районы Стамбула, как на европейском, так и на азиатском берегу. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, – прим. пер. и ред.*

² Т. е. после 12 сентября 1980 года, когда в Турции случился военный путч, за которым последовали массовые репрессии левой оппозиции.

– Как-как! У доктор-бея полно знакомых. Он пол-Стамбула поставил на уши. Молодая она была, из хорошей семьи, жаль ее! Да покоится она с миром!

– Аминь!

– Я слышал, от рака умерла. Коварная болезнь. Сгорела в несколько месяцев. Эх, жизнь! Сейчас ты есть, а через мгновение тебя нет.

Когда Фриды не стало, для Исмаила наступило время скорби.

Кажется, именно в тот день писателю запало в душу желание поведать миру о великой любви Исмаила и Фриды, любви, пустившей ростки в эпоху, когда человечество и мир лишились рассудка. В память о них он рассказал, как они проживали любовь, ненависть, радость, печаль, войну и мир, как познавали, что такое ломать и что такое строить. Рассказал о том, что они записали на чистых страницах тетради, называемой временем... Рассказал так, словно они живы, влюблены и идут рука об руку, улыбаясь будущему...

Время любить

Сентябрь 1940, Беязит

– Война все спишет! А то я всех бы вас тут и оставил. Не посмотрел бы ни на чьи слезы!

Голос с немецким акцентом, эхом разлетавшийся по просторной аудитории, принадлежал ординарному профессору доктору Питеру Шульцу. Послышались смешки. Фрида тоже улыбнулась. «Надо же, – подумала она. – Питер-ходжа³ умудряется даже шутить на своем хромом турецком!» Гнев учителя ее не пугал. К таким старательным и внимательным студентам, как Фрида, Шульц был бесконечно снисходителен. К тому же она говорила по-немецки и задавала вопросы напрямую, без переводчика. Но преподавателя и студентку роднило еще и то, что оба были евреями и беженцами.

Снова загремел голос Шульца. На этот раз профессор обрушился на ассистента, переводившего лекцию.

– Мальчик мой, ты сочиняешь! Я этого не говорю!

Вновь пронеслась волна смешков. Шульц был самым ярким из всех немецких профессоров, кто бежал в Турцию и получил пристанище в университете⁴. Заскучать на его лекциях было невозможно.

Фрида краем глаза посмотрела на часы. Они уже опаздывают на практикум по анатомии. Стоял погожий сентябрьский день, но из разбитого окна, у которого она сидела, дул свежий ветерок, заставляя поеживаться.

В морге Фрида, вдыхая едкую смесь формалина и гниения, начала искать глазами студента пятого курса, выполнявшего обязанности лаборанта. Горделивый вид, с каким этот красавчик стоял, словно статуя, в прошлый раз рядом с преподавателем, одновременно притягивал и раздражал ее. Интересно, что он о себе воображает?! Пусть он хорош собой, но зачем стоять на уроке как памятник? Но, кажется, сегодня пятикурсника не было. А даже если бы он и был здесь, что с того? Он другой веры. У них нет ничего общего. Самое правильное – немедленно выкинуть его из головы и сосредоточиться на работе.

Анатомия началась в этом году. Фрида с таким увлечением слушала лекции о мышцах, сухожилиях, клетках, что даже забыла испугаться, когда впервые увидела труп. Ни тошноты, ни головокружения, лишь легкая, тут же унявшаяся дрожь...

Они, как всегда, приготовили инструменты, надели перчатки и группами по двенадцать-пятнадцать человек принялись за работу. Голова, шея, верх, низ... Студентам приходилось препарировать, стоя чуть ли не нос к носу. Группа, в которой работала Фрида, начала с верхней части тела, затем перешла на нижнюю и, наконец, приступила к голове.

Когда дошла очередь до Фриды, она замешкалась. Ей вдруг показалось невозможным вонзить бистури в носогубную складку молодой светлокожей женщины. Она никак не могла решиться, руки словно онемели. «Страшно резать лицо, пусть даже мертвое. Ведь при жизни оно выражало счастье, грусть, волнение, гнев», – пронеслось у нее в голове. Все равно что вскрыть душу. А ведь если бы у этой женщины, лежащей сейчас в ярком свете хирургических ламп, были семья, близкие и друзья, к ней бы никто не прикоснулся. Значит, при жизни она

³ Ходжа – традиционное обращение к преподавателю либо наставнику в Турции.

⁴ В 1930-е годы в Турцию приехало много университетских преподавателей «неарийцев», бежавших из Германии после прихода к власти нацистов. Одновременно в Турции проводилась университетская реформа, в рамках которой турецкие вузы стали активно приглашать на работу иностранных профессоров, в том числе и немецких, которые работали в Турции с согласия нацистского режима.

была сиротой без роду без племени, поэтому с ее телом можно было делать все, что заблагорассудится. От этой мысли Фриде стало еще тревожнее. Ей показалось, что студенты проявляют к умершей жестокость и неуважение.

– Нет, так не пойдет! С такими мыслями ты не сможешь работать. Смотри, скольких людей ты заставляешь ждать. Тебе не стыдно?

Погруженная в печальные размышления Фрида вздрогнула, услышав этот голос у себя за спиной. Она покраснела и обернулась. Вчерашний студент-лаборант насмешливо смотрел на нее своими ярко-голубыми глазами.

– Простите, – пробормотала она и тут же сделала надрез. Неприятно, что ее застали врасплох, когда она дала чувствам взять над собой верх. И кто же смог прочесть ее мысли? Тот самый пятикурсник!

Красавчика звали Исмаил. Исмаил Босналы. Сам профессор Пьер Лавас, приглашенный из Европы, чтобы «показывать молодым коршунам, что, как и откуда вырезать», то есть вести занятия по практической анатомии, выбрал этого блестящего студента в ассистенты.

Отчитав Фриду, Исмаил подошел к другому трупу и, сжимая в руках бистури, принялся профессорским тоном наставлять студентов:

– Кожу с волосами следует оттянуть либо назад, либо вперед, череп следует вскрывать по кругу.

Студенты столпились вокруг стола, чтобы видеть его манипуляции.

Фриде наконец удалось взять себя в руки. Она внимательно слушала объяснения Исмаила и следила за его действиями, хотя ей пришлось изо всех сил тянуть шею и встать на цыпочки. Она даже задала несколько вопросов, на которые Исмаил отвечал с неожиданной улыбкой.

– *Von!* Хорошо! – перебил студента профессор Лавас. – Надеюсь, вы все усвоили. Помните, жизнь ведет вас от колыбели к могиле, а медицинское образование – от трупа к диплому!

Занятие было окончено.

На следующий день в обед Фрида искала тихий уголок в университетском саду, чтобы съесть домашний бутерброд с сыром, как вдруг заметила Исмаила. В руках у него были хлеб и бумажный пакет. Взгляды их встретились, он улыбнулся Фриде, подошел и протянул пакет:

– Хочешь маслин?

– Нет, спасибо.

Они уселись на еще влажных после утреннего дождя лавках на главной садовой аллее. Исмаил снова улыбнулся, и в его улыбке мелькнула робость, тронувшая Фриду.

По аллее приближались трое студентов, громко болтая и пересмеиваясь. Это были университетские модники: фетровые шляпы с узкими полями, рубашки с высоким воротом, свободные пиджаки с большими карманами, небрежно накинутые черные плащи. Они оживленно обсуждали какую-то актрису, чью-то жену.

– Исмаил! Как дела?

– Исмаил, пойдем в «Эмин-эфенди», там сегодня кюфта и плов с фасолью и, говорят, еще и наливают настоящий кофе!

– Да какой настоящий, из нута!

– Я занят. А вам приятного аппетита.

Фрида заметила, что Исмаил слегка помрачнел и улыбнулся, но на этот раз неестественно. Они оба провожали глазами удаляющуюся тройцу, пока та не скрылась из виду.

Исмаил пробормотал:

– У этих пижонов никаких забот...

Помолчав немного, добавил обычным голосом:

– Только что я вернулся из клиники в Шишли. Все факультетские практикумы в разных концах города: родильное отделение – в Хасеки, хирургия – в Хасеки или в Гуреба, психиатрия – в Бакыркёе. Весь день уходит на разъезды. Пообедать удастся только на бегу, хлебом с маслинами.

Они еще несколько минут поболтали о лекциях и преподавателях.

– О, мне пора, уже опаздываю, – внезапно прервал беседу Исмаил.

Однако, сделав пару шагов, он обернулся:

– Ты в библиотеку ходишь?

Нет, в библиотеку Фрида заходила нечасто, предпочитая вечером, после занятий, сразу возвращаться к себе, в свою уютную комнату, где ей было так хорошо заниматься.

Исмаил все медлил.

– Вообще-то в библиотеке всегда людно, свободного места не найти. Но можно вечером оставить на столе тетрадь; если повезет и служитель не заметит, она пролежит до утра или... или иногда достаточно быть красивой девушкой! – сказал он, глядя Фриде прямо в глаза.

После обеда Фрида никак не могла сосредоточиться на учебе. Ей следует держаться подальше от Исмаила, повторяла она себе. Но он ей очень нравился, и она чувствовала, что и он обратил на нее внимание. И что, начни они чаще видеться, вряд ли смогут удержаться в границах дружбы. Фриде стало страшно, очень страшно... Совсем как в детстве, когда она тянула руку к чему-нибудь опасному, а ее предупреждали: «Ай-ай-ай, не трогай!» Не приближайся к нему! Исмаил опасен для тебя! Веди себя с ним как со всеми. Не вздумай разговаривать дольше, чем с другими, а если заговоришь – не вздумай улыбаться, чтобы он не решил, что ты в него влюблена... Будь осторожна и благоразумна!

Вечером она направилась в библиотеку.

Там все было так, как описал Исмаил, не было только самого Исмаила. Но она решила не сдаваться и приходила в библиотеку два вечера подряд; после того, как все задания, что она себе выдумала, были сделаны, она отправлялась бродить по библиотечным коридорам или заглядывала в зверинец в павильоне по соседству с главным входом. Запахи зверинца проникали даже в читальный зал, а порой блеянье или мычание заглушали перешептывания студентов, скрип перьев и шорох страниц.

Понаблюдав за животными, посочувствовав им в их тесных вольерах, Фрида, в последний раз оглянувшись по сторонам, отправлялась домой. Она не решалась признаться себе, что приходит сюда только затем, чтобы увидеть Исмаила.

Столкнулась она с ним на выходе из университетского дворика, в пятницу, после занятий. Сердце ее заколотилось как бешеное, но она лишь слегка кивнула ему и уже собиралась пройти мимо, как юноша со смехом преградил ей путь.

– Куда это вы так торопитесь, юная госпожа?

Не дожидаясь ответа, он помахал книгой, которую держал в руках: сейчас он отдаст ее приятелю и будет свободен.

– Смотри никуда не уходи! – крикнул он уже на бегу.

«Что он себе думает? – подумала Фрида. – Я что, игрушка? С какой стати я должна его тут ждать? Сколько еще?»

И осталась ждать.

Исмаил вернулся и, слегка приобняв ее, спросил, найдется ли у нее время для бедолаги, с утра до вечера сгорающего на работе?

– Мне нужно в Каракёй, на пристань, чтобы успеть на паром до Кадыкёя в полшестого, – ответила Фрида.

Но Исмаил не сдавался.

– Быстрым шагом успеешь. К тому же погода хорошая! Хочешь, я тебя провожу?

Фрида молча кивнула. Лишь бы Исмаил не догадался, как колотится ее сердце, не заметил, как глухо звучит ее голос.

Стоял дивный вечер. Они вышли из главного университетского входа в квартале Беязыт, прошли мимо мечети Сулеймание, мимо Египетского базара, наполнявшего всю округу ароматами специй, и быстро спустились по Мерджан прямо к пристани Каракёй.

По дороге они болтали о пустяках, а потом Исмаил предложил завтра сходить в кино.

– К сожалению, не смогу, – вздохнула Фрида. – Я до воскресенья останусь в Мода.

– Ну вот, а я хотел пригласить тебя погулять в Бейоглу, съесть кюфту или сэндвич с сосиской. Тогда через неделю? – тут же сказал Исмаил.

– И через неделю не получится. Я каждую пятницу сажусь вечером на паром и на все выходные уезжаю к родителям в Мода. Отец ни за что не разрешит мне остаться!

Фрида сразу пожалела о своей резкости и попыталась сгладить ее. Они могут сходить в кино на неделе, сказала она, но вот насчет поесть... Ест она только то, что приготовит сама.

– Мы иудеи и соблюдаем кашрут, – попыталась объяснить Фрида. – Молоко с мясом считаются у нас...

– Я знаю, что такое кашрут, – перебил ее Исмаил. – Я вырос в еврейском квартале в Измире. Наши соседи были иудеями. Насчет мяса и молока я не понимаю, но свинину они тоже не ели, как мусульмане, и еще чего-то не ели. А с вечера пятницы и по субботам не зажигали огонь. Мы, дети из турецких семей, за несколько курушей⁵ разжигали им печи и мангалы, а если нас не звали, то мы сами начинали кричать у них под дверь: «Зажжем огонь!»

Он пожал плечами.

– Так значит, ты верующая. Я-то нет. Из уважения к отцу я пару раз ходил в мечеть и держу пост в рамазан. Вот и все.

Так, за разговором, они дошли до пристани и условились на следующей неделе сходить в кино.

– Можем как-нибудь поесть симиты⁶, если хочешь, – предложила Фрида. – Их мне можно.

Они вновь заговорили о медицине. Исмаил рассказал, как, работая в анатомичке, заинтересовался хирургией и теперь хочет специализироваться именно в ней.

– Представь, ты разрезаешь больному грудную клетку или брюшную полость, – говорил он взволнованно, – находишь больной орган, чинишь его, а затем все закрываешь и сшиваешь! Все в твоих руках!

На вопрос Исмаила Фрида, не задумываясь, ответила: «Педиатр», и юноша чуть надменно усмехнулся:

– Ну конечно, как большинство девушек!

А тем временем Фрида, глядя на ямочки на его щеках, когда он улыбался, думала о том, что никогда еще не встречала никого симпатичнее.

Исмаил крепко сжал руку Фриды и не отпускал ее до тех пор, пока они не дошли до кассы. Прощаясь, они договорились встретиться в понедельник.

Садясь на пароход, Фрида все еще ощущала на ладони тепло руки Исмаила. Ответить на его интерес, позволить ему держать себя за руку – опасные шаги, ей снова стало страшно. Но думать о возможных неприятностях в будущем не хотелось.

Мягкое покачивание парохода, морской ветер, знакомые пассажиры на обычных своих местах, привычные разговоры – все это немного успокоило ее. Веселые студенты с учебниками в руках, серьезные коммерсанты с моноклями, обсуждавшие политику, армянские, греческие и еврейские семьи, говорившие на ломаном турецком, – все они напоминали актеров, безупречно игравших свои роли в уже давно идущей постановке.

⁵ Мелкая турецкая монета, имевшая хождение до 2005 года, ¹/100 часть лиры.

⁶ Симит – традиционный бублик.

Фрида все перебирала подробности разговора с Исмаилом.

Он сказал, что раз или два в неделю ходит на курсы иностранного языка, и посоветовал, что занятия заканчиваются очень поздно.

Набравшись смелости, Фрида предложила:

– Если хочешь, я могу помочь тебе. Я хорошо говорю по-французски и по-немецки.

Не успела она договорить, как почувствовала, что краска бросилась ей в лицо. Исмаил мог решить, что она самовлюбленная всезнайка.

Но Исмаил, напротив, обрадовался:

– Было бы здорово, спасибо! Так я сэкономлю кучу времени. Я немного знаю оба эти языка. Будем по вечерам встречаться в библиотеке или где-нибудь в кафе в Беязыте, и ты поучишь меня. А если тебе нужна помощь, пожалуйста, обращай только ко мне, по любым предметам.

Исмаил успел рассказать о своей семье. Они были родом с Балкан, отец военный, дослужился до капитана и вышел на пенсию. Одна старшая сестра работает в банке, а другая – учительница; старший брат где-то служит в безопасности, а младший учится в лицее. Живут они стесненно, и поэтому Исмаил начал подрабатывать, еще учась в лицее.

– Мы живем все вместе, обсуждаем все свои дела и участвуем в жизни друг друга. Сестра Исмигюль поступила на юридический по настоянию отца, правда, не смогла доучиться. А я пошел на медицину под влиянием другой сестры, – признался он.

Июнь 1935, Кадырга

Последний день учебы в лицее! С утра Исмаил с нетерпением ждал, когда же наконец можно будет уйти из дома. Он сидел в майке и трусах, пока мать ушивала для него старые отцовские армейские брюки.

– Вот, сынок, готово. Носи на здоровье!

Исмаил пробормотал слова благодарности и торопливо натянул штаны из грубой ткани защитного цвета. Отец был невысоким и толстым, а Исмаил вырос высоким и стройным, и потому, как мать ни старалась, все равно штаны оказались коротковаты и висели мешком. Посмотревшись в маленькое зеркало у входа, он пригладил выющиеся каштановые волосы, никак не желавшие слушаться. В задний карман брюк положил маленькую тетрадь и карандаш.

Перед тем как уйти, Исмаил посмотрел на отца. Тот, как обычно, сидел, скрестив ноги, на седире⁷, с четками в руке и газетой на коленях. Добрый взгляд голубых глаз, которые унаследовал от него Исмаил, где-то витал. Безмятежность капитана Асим-бея могли нарушить лишь пятикратный намаз да домашние хлопоты.

Говорил отец мало, когда бывал в хорошем расположении духа; иногда он принимался заново пересказывать свою «прежнюю жизнь» – дети готовы были без конца слушать его историю о том, как, изгнанный с Балкан, он подался в рекруты, прошел мировую войну, был направлен на службу в Саудовскую Аравию, участвовал в войне за независимость⁸...

Сколько помнил себя Исмаил, отец не работал и у них никогда не было денег. «Как и тысячи тех, кто прошел войну», – вздыхал отец. Единственное, что могло заставить его что-то предпринять, – стремление дать детям образование. В этом его горячо поддерживала жена, которая сама читать и писать не умела. Оба без устали твердили сыновьям и дочерям об образовании и были готовы на любые жертвы ради него.

Когда Исмигюль закончила на «отлично» лицей, они переехали из Измира в Стамбул, чтобы она могла поступить на юридический факультет. Тогда же сестра Баисе, учительница, развелась с мужем, попросила о переводе в Стамбул и переехала к родным. Исмигюль действительно поступила на юридический, но, проучившись два года, провалила на днях экзамен по экономике. К тому же срок обучения увеличили с трех лет до четырех. Семья, которая ютилась в двух съемных комнатках в Кадырге, впала в отчаяние. «Мы пропали, – все повторял Асим-бей, узнав новость. – Мы не можем позволить себе ждать еще два года». Он мерил шагами комнату, как лев в клетке, всем видом выражая разочарование. Исмигюль слушала отца, понурилась.

Вручив брюки сыну, Фахрие-ханым⁹ тут же принялась хлопотать по дому: вооружившись ведром и тряпкой, уже мыла полы.

Исмаил порылся в горе обуви перед входной дверью и, отыскав, надел свои старые – заплатка на заплатке, – подбитые большими гвоздями башмаки. Наконец он вышел на улицу и быстро зашагал по проспекту Лиман, в прохладной тени распускавших цветы каштанов, в сторону квартала Вефа. Два года назад, когда они только-только приехали в Стамбул, старшая сестра Баисе записала его в местный лицей. Сегодня ему вручали аттестат. Пришло время выбирать будущую профессию.

⁷ Седир – длинный диван, стоящий обычно по периметру комнаты, на котором сидят днем и спят ночью.

⁸ Война за независимость (1919–1923) – национально-освободительное движение во главе с Мустафой Кемалем против иностранной военной интервенции. Завершилась провозглашением Турецкой Республики.

⁹ Ханым (*мур.*) – госпожа, хозяйка, уважительное добавление к имени, профессии или званию женщины.

Несколько часов спустя он разглядывал новенький документ: физика, химия, алгебра, космография – сплошь «отлично» и «хорошо». Единственное «удовлетворительно» было по географии.

Последний школьный день, как это обычно бывает, прошел в прощаниях, обещаниях непременно встретаться и в обсуждении планов. Кто-то стремился в чиновники, кто-то мечтал о свободной профессии. Исмаил подумал, что почти ни один из его приятелей не свободен в выборе. Влияние семьи было очень велико. Многих из тех, кто хотел пойти на государственную службу, отговаривали отцы. В медицину не стремился никто: на врача учиться долго, а для всех был важен заработок.

Вечером Исмаил вернулся домой; в кармане у него вместе с тетрадью и аттестатом лежала фотокарточка на документы, которую он сделал на всякий случай. Он пока так и не выбрал, на какой факультет пойдет.

Уже из прихожей он услышал, как домашние продолжают говорить об отчислении Исми-гюль, и ему стало тоскливо.

Никто толком и не посмотрел на его аттестат. Только Баисе расцеловала Исмаила, погладила по плечу и спросила:

– Ты решил, куда будешь поступать?

– Я никак не могу выбрать, все время об этом думаю, – немного раздраженно ответил Исмаил, зная, что последует дальше.

Баисе не заставила себя ждать:

– И долго ты еще собираешься думать, Исмаил? Пора уже выбрать! Университеты ждать не будут! Вспомни, что я тебе говорила! Не пренебрегай медициной! Профессия врача – самая почетная! Когда я иду в школу через квартал Чагалоглу, я всегда читаю фамилии врачей на табличках у дверей особняков. Поверь мне, в этот момент я испытываю гордость за них! Нешет Омер, Мазхар Осман, Тевфик Салим. Великие, уважаемые всеми люди, они служат человечеству, дарят здоровье. Да храни их Аллах ради нас!

– Аминь, аминь! – раздался голос младшего брата Исмета. Исмаил еле сдержался, чтобы не рассмеяться. Баисе сердито посмотрела на мальчика:

– Помолчал бы лучше! А то поговорим про твои оценки!

Братья переглянулись. Да, нелегко, когда твоя сестра учительница и к тому же живет с тобой в одном доме.

Тем временем мать накрыла на полу ужин, поставила кастрюлю с чечевичным супом и хлеб. Все уселись обедать. Воцарившуюся тишину нарушил глухой, осипший от курения голос капитана Асима, который еще не высказался о будущем Исмаила.

– Слышал я, что министерство здравоохранения раздает стипендии на обучение. Целых шесть лет тебе будут оплачивать все: питание, одежду, тебе дадут место в общежитии. Кажется, и на расходы выдавать немного будут. Взамен после диплома нужно четыре года проработать в Анатолии.

– Как чудесно! – немедленно встряла Баисе. – И выучишься бесплатно, и стране послужишь!

– Баисе права! – спокойным и твердым голосом добавил отец. – Это самое важное: ты станешь врачом, будешь служить людям, сынок!

Капитан Асим-бей прошел две войны, но в детях неизменно воспитывал уважение к каждому человеку, какой бы национальности он ни был. Исмаил уже много лет размышлял над этими наставлениями, которые так часто слышал. Наверное, у отца были причины так думать. Ведь он сам юношей был вынужден покинуть родные Балканы. И своими глазами видел, как быстро и часто могут меняться границы куска суши, который зовется родиной.

Исмаил молчал. Он посмотрел на стены с облупившейся штукатуркой, рваный линолеум, на застиранное ситцевое покрывало на седире, матрасы, служившие семье постелями и стояв-

шие сейчас в углу, в ожидании, когда наступит вечер и шесть человек, как всегда, кое-как разместятся в двух комнатках, пропитанных застоялым духом вареного лука, а среди ночи всех перебудит отрывистый кашель отца. Исмигюль говорит, что ищет работу. Как быстро она сможет ее найти? Исмаил почувствовал, что еще не наелся, и потянулся за добавкой, но кастрюля уже опустела.

Если он поступит на медицинский и переедет в общежитие, как советует отец, то ему не придется возвращаться каждый вечер домой, не придется брать деньги у семьи. Раз медицина дарит такую возможность, грех ей не воспользоваться.

– Всем прекрасно известно, – вновь заговорила Баисе, – как остро Анатолия нуждается во врачах. Особенно для лечения туберкулеза и малярии!

Да, врачи были нужны Турции. Слова сестры ему пришлись по душе. Он получит уважаемую профессию, будет помогать людям! Это очень важно! Теперь он был твердо уверен.

– Хорошо. Завтра подам документы на медицинский, – улыбнулся он.

Сентябрь 1940, Мода

Двухэтажный деревянный дом в самом конце улицы, кое-как вымощенной брусчаткой, всегда навевал Фриде уверенность и спокойствие. Стоило ей взбежать по трем каменным ступеням и повернуть ключ в замке, как все ее волнения и тревоги мгновенно улеглись. С порога пахло привычной смесью запахов: рыбы, которую традиционно готовили по пятницам, сырости и затхлости. В полумраке прихожей показался внушительный силуэт матери в вечном переднике.

– Ты вовремя! Зимой, наверное, так уже не получится, будешь опаздывать. Я только что все приготовила. Эмма с отцом скоро будут. Потерпишь до шабата¹⁰? Или хочешь перекусить? Ты голодна?

Этим вопросом Броня Шульман встречала любого, кто входил в дом, вне зависимости от времени суток.

Шабатный ужин в доме Шульманов всегда проходил в благоговейной атмосфере, в которой Фрида испытывала одновременно и счастье, и скуку. Белоснежная скатерть, серебряные подсвечники, особенные домашние кушанья, накрытые до поры вышитыми льняными салфетками, вино в серебряном кубке, настолько сладкое, что сразу ударяло в голову, *гешфилте фиш*¹¹ под неизменным соусом из дикой редьки. Мать целый день проводила на кухне, а под вечер всегда начинала волноваться: «Ой, нам бы не пропустить закат, успеть зажечь свечи, поесть и все убрать!»

– Нам бы не опоздать! Надо успеть свечи зажечь! Если Эмма с отцом не задержатся, сядем за стол до заката. Ты так и не ответила, не хочешь ли перекусить?

– Мамочка, спасибо, я не голодна, подожду.

Когда они наконец расселись в мерцающем свете свечей, отец прочитал традиционную молитву, сделал несколько глотков вина из серебряного кубка и передал его по очереди жене и дочерям, затем посолил кусок хлеба и съел его. Теперь семья могла приступить к куриному супу с лапшой. После супа наступала очередь отменной рыбы, красовавшейся на огромном блюде посреди стола.

– Доченька, ты не больна? Ни слова не сказала, как пришла! И не ешь ничего!

В самом деле, Фрида весь вечер молчала, почти не прикоснулась к еде и рассеянно отвечала на вопросы. Исмаил не шел у нее из головы.

Под конец мать, не выдержав, приложила руку Фриде ко лбу и озабоченно поглядела на нее. Фрида едва сдержалась, чтобы не оттолкнуть материнскую руку и не наругать.

Исмаил обмолвился, что жизнь в общепитии – это возможность чувствовать себя свободным. Он прав.

Главным предметом гордости в доме Шульманов была фортепианная комната. Столь помпезное название она получила в честь черного блютнеровского инструмента, красовавшегося напротив двойной застекленной двери, на фоне азербайджанского ковра. Пианино покрывала кружевная салфетка, на которой в окружении семейных фотографий стоял метрономом. Рядом, на этажерке эбенового дерева, лежали ноты – и новые, и порядком потрепанные.

После ужина, когда вся семья, как обычно, уселась в фортепианной, Фрида впервые в жизни подумала, как же скучен шабат и его традиции. Неужели только ей одной так кажется?

¹⁰ Шабат – суббота, день отдыха иудеев, наступает в пятницу с заходом солнца и заканчивается на закате субботы, поэтому зимой шабат начинается раньше, чем летом. Встреча шабата – праздничный ритуал, частью которого являются зажигание свечей, молитва, трапеза. В шабат запрещено работать и выполнять разные действия.

¹¹ Фаршированная рыба – традиционное еврейское блюдо, требующее времени и сноровки в приготовлении.

Она взгляделась в лица своих родных. Отец листал священную книгу, мать слушала Эмму, которая пересказывала, что случилось за день в книжном магазине «Ашет», где она работала. Среди покупателей однажды оказался даже преподаватель сестры.

– Какой приятный человек этот ваш профессор патологии! Когда он назвал твое имя, я сказала, что ты моя старшая сестра. Он заметил, что мы похожи. Спросил меня, почему я не учусь медицине. Попросил меня найти одну книгу...

«Я, я, меня...» Эта девчонка просто свернута на себе! Фрида насмешливо перебила ее:

– Поздравляю! А я-то все переживала, что ты не понравишься моему преподавателю!

Эмма пожалала плечами.

– С тобой стало трудно разговаривать. У тебя характер испортился. Смотри, как бы не превратилась в настоящую докторшу, которая засиделась дома, вечно надутую и в очках.

Она снова повернулась к матери, и они принялись обсуждать, где лучше купить ткань на зимнее пальто, которое они собирались заказать портнихе. Броня Шульман предлагала сходить в «Ольондор», а Эмма считала, что там очень дорого, и хотела спросить у подружек из «Ашет», где дешевле. Не могли они договориться и по поводу портнихи. На сей раз сэкономить хотела Броня и заказать пальто гречанке Ольге, которая жила в доме напротив. Эмма возражала:

– Она не сумеет сшить пальто, мама! Давай отдадим той портнихе в Бейоглу, к которой ты давно ходила. Как ее звали? Помнишь, ты еще нас с собой на примерки брала, а мы изнывали там от скуки...

Фриде на мгновение показалось, что она наблюдает за двумя совершенно посторонними женщинами.

Ситуацию, как всегда, спас отец.

– У немецких преподавателей, должно быть, голова болит из-за рапорта Скурлы¹²? – спросил он у дочери.

– Да, вроде бы на сельскохозяйственный факультет принимают преподавателей, которые поддерживают нацистов, но я, как и ты, узнала об этом из газет. Наши профессора очень осторожны, политическими взглядами не делятся, да и вообще нечасто разговаривают со студентами. А лекции читают с переводчиком.

– Если бы эти йекке¹³ не задирали так нос, мы могли бы приглашать к нам домой ваших немецких профессоров, – вмешалась в разговор Броня. – Говорят, они очень любят музыку! Мы могли бы играть дуэтом. Можно подумать, они чем-то отличаются от других евреев!

Фрида рассмеялась про себя. Мать не упускала возможности подчеркнуть всем и всегда, как ее семья любит музыку. Когда дела у Шульманов пошли в гору, первым делом они купили пианино и отправили обеих дочерей учиться музыке к Ферди Статцеру, лучшему преподавателю в Стамбуле. Но Фрида, едва ей исполнилось восемнадцать, бросила уроки, ей вполне хватало радио и концертов. А Эмма продолжала заниматься, возможно, ей и в самом деле хотелось играть хорошо. Сама Броня Шульман музицировала в незамысловатой манере и выбирала только простые для исполнения вещи вроде «Турецкого марша» Моцарта либо вальсов Шопена. Эмма с Фридой между собой называли ее игру «одесский кафешантан».

Самуэль Шульман, услышав, что его жена мечтает сыграть дуэтом с профессорами-йекке, нахмурился:

¹² Герберт Скурла (1905–1981) – немецкий ученый и писатель, член НСДАП, сотрудник министерства образования Третьего рейха. Был командирован в Турцию, чтобы проверить работу немецких профессоров-эмигрантов, итогом этой поездки стал отчет под названием «Деятельность немецких ученых в турецких исследовательских институтах». В частности, в отчете подчеркивалась необходимость ослабления позиции эмигрантов в университетах, поскольку они оказывают огромное влияние на академическую жизнь Турции. Одновременно Скурла предлагал формировать «прочное основание для нацистской культурно-политической деятельности в Турции и содействовать политике найма Турцией близких к нацистам преподавателей».

¹³ Йекке – евреи, родившиеся и проживающие в Германии. – *Прим. авт.*

– Броня, гостеприимство хорошо, но всему есть границы! Жизнь день ото дня только хуже. Говорят, что скоро еда будет по карточкам. Разве время сейчас приглашать гостей? Разве у нас гостиница? Разве у нас ресторан?

Отец оседлал любимого конька и пустился в рассуждения о войне, в которую Турции, скорее всего, придется вступить, о стагнации на рынке, о недавно созданной комиссии по контролю над ценами, о бутылочном горлышке в экономике из-за поднятых налогов, о военном положении, объявления которого все ждали со дня на день... Фрида зажмурилась. Ей хотелось уйти в себя и думать только об Исмаиле, но Эмма распахнула дверь в сад и, не обращая внимания на ворвавшийся в комнату холод, закричала: «Валентино! Валентино! Куда подевался этот кот? С утра не могу найти его!»

Огромный рыжий кот с белой кисточкой на хвосте, тоскливо мяукая, забежал в дом и направился напрямик в кухню, где его ждала полная миска молока.

– Никуда он не делся! – заметила Фрида. – Его просто забыли за дверью.

Сестры тут же принялись спорить, кто из них лучше смотрит за котом, – эти перепалки продолжались с того момента, как Валентино поселился у них.

– У кота, вообще-то, должна быть возможность уходить и приходить когда вздумается, если ты не знала! А ты с ним сюсюкаешь как с ребенком!

Фрида внимательно посмотрела на сестру. Кажется, именно Валентино помог Эмме позабыть о своих страданиях.

Июль 1935, Мода

Крохотный комок дрожал на обочине. Фрида заметила его, возвращаясь с моря, и, поколебавшись, взяла и посадила в пляжную сумку. Только что скажут по поводу котенка дома? Мать брезглива, еще глядишь, у него окажутся блохи, отец может припомнить какой-нибудь неизвестный религиозный запрет, а сестра Эмма сейчас «нуждается в покое», а от котенка одна кутерьма.

Фрида легонько погладила высунувшуюся из сумки крошечную рыжую голову с длинными усами. Ей с детства хотелось питомца, но она вечно слышала один и тот же ответ, что «в квартире это невозможно». Но вот уже несколько лет подряд они проводят каждое лето в этом доме с садом, может, теперь это возможно?

Она открыла дверь своим ключом и вошла в прихожую. Голоса матери и сестры доносились из гостиной. Кажется, они спорили.

– Пусть стихотворение очень красивое, но умоляю тебя – не надо читать его так громко! Ты навлечешь на нас беду!

Броня Шульман, услышав, как хлопнула дверь, с тревожным лицом выглянула из гостиной:

– Ты как следует закрыла? Твоей сестре вздумалось декламировать во весь голос стихи этого Назыма Хикмета¹⁴. А его все называют коммунистом. Даже судили за это.

Мать произнесла слово «коммунист», понизив голос. Но Эмма назло ей почти закричала:

– Коммунист, и что из того? Если он поддерживает рабочих, их труд, если сражается за лучший, более справедливый мир? Ты произносишь слово «коммунист» так, будто он убийца и вор.

– Коммунисты в России именно такие, дочка. Они все у нас отняли. Ты была маленькая, не помнишь. Большевики отняли у нас все комнаты в доме, оставили одну на всех. Даже кровати забрали, нам приходилось спать на сдвинутых стульях. А по тем, кто был против них, они стреляли прямо на улицах.

Слова матери оказали на Эмму прямо противоположное действие. Она закричала еще громче:

– Ты прекрасно знаешь, что по людям стреляли не только большевики, но и белогвардейцы, а в Одессе – и сторонники Центральной Рады. И вообще, тогда шла война. Но я не собираюсь слушать одни ваши рассказы. Я специально читала, я узнала, какую роль сыграли евреи в большевистской революции, а еще – что революция положила конец погромам и антисемитизму.

Броня Шульман слушала дочь, одновременно пытаясь понять, слышны ли ее слова на улице.

– Ладно, ладно, – пробормотала она наконец. – В такую жару сейчас никто не выходит из дома...

Фрида улыбнулась. Свидетелем подобных сцен она бывала почти каждый день, бывая дома: сестре внезапно приходило в голову почитать стихи Назыма во весь голос, меря шагами комнату, и разделить радость от чтения со всеми вокруг, а мать начинала тревожиться, что это навлечет на семью неприятности.

Однако декламации Эмме было недостаточно. В университете она изучала историю Византии, но в свободное время начала читать книги, по выражению отца, проблемные, чтобы потом пересказывать их дома: «Капитал» и другие произведения Маркса, его соратника

¹⁴ Назым Хикмет (1902–1963) – турецкий поэт, прозаик, драматург и общественный деятель. Будучи коммунистом, неоднократно подвергался в Турции арестам, в 1951 году бежал в СССР и остаток жизни провел в Москве.

Энгельса и книги, названий которых Фрида прежде никогда не слышала, но упоминание которых всякий раз вызывало в семье бурю. Непонятно, где Эмма находила их, от кого набралась подобных мыслей.

Мать была уверена, что все зло – от университетских приятелей Эммы. Хорошо хоть, считала Броня, дочь не водит домой женихов-турок, ведь изучение всяких там Баязидов¹⁵ могло навлечь на их дом еще и эту беду.

– Она явно пережила какое-то разочарование, оно и подтолкнуло ее к таким людям и к таким разговорам. Трудно найти другую девушку, которая так бы сильно любила наряды и комфорт, – твердила Броня мужу. И в этом Фрида была полностью согласна с матерью.

Броня оказалась права: Эмма страдала от несчастной любви.

С Рубеном Гольдштейном, сыном представителя компании по производству канцелярских товаров, Эмма познакомилась через его сестру, свою одноклассницу. Все началось со встреч в компаниях, но потом парочка стала ходить вдвоем в кино, в театры и на концерты, играть в теннис. Наконец, они встретили вместе Новый год, признались друг другу в любви и решили пожениться.

Однако у Самуэля Шульмана не было средств, чтобы дать дочерям драхому¹⁶. Он так и твердил им: «Единственной вашей драхемой будут ваши дипломы». Должно быть, в семье Гольдштейн об этом узнали и поговорили с сыном, так как звонить Рубен стал реже.

Однажды вечером Эмма пришла домой бледная, с красными заплаканными глазами, отказалась сесть за стол и закрылась в их общей с Фридой комнате.

Фрида застала сестру в слезах.

– Сегодня мы встретились с Рубеном в кондитерской. Он сказал, что не готов ни к свадьбе, ни к помолвке, потому что он еще не отслужил в армии, еще не имеет собственного дела, и что мне надо подождать. По его словам, семья очень давит на него и просит подумать о будущем. Знаешь, а ведь он и так вел себя со мной довольно холодно в последнее время.

– Мужчинам свойственно перед принятием такого важного решения испугаться и даже попытаться все бросить. Не нужно на него давить, нужно немного подождать, – очень серьезно произнесла Фрида. Она читала тайком от матери любовные романы и была уверена, что сведуща в делах любви.

– Кто должен подождать? Я должна подождать? Чего мне ждать? Что Рубен повзрослеет и перестанет плясать под дудку родителей? Хватит, хоть ты не начинай! Говорю тебе, все кончено!

Она яростно стерла слезы, подошла к туалетному столику, стоявшему между двух кроватей, и принялась так же яростно промакивать щеки и нос пуховкой.

– Я больше ни слова не хочу слышать об этом, – наконец решительно сказала она.

Однако ночью Фрида слышала всхлипывания сестры и очень огорчилась. Но, порывав и повздыхав в подушку несколько ночей, Эмма в конце концов сумела взять себя в руки и отвлечься. Когда Фрида, несмотря на запрет говорить «об этом», попыталась ободрить ее, сказав, что Эмма, возможно, поторопилась порвать с Рубеном и что со временем Гольдштейны наверняка передумают, Эмма насмешливо ответила: «Я не обижаюсь на Рубена, он навсегда останется важным для меня человеком, но вот в буржуазную семью, где так поклоняются деньгам, даже если умолять станут, невесткой не приду!»

Вскоре она перестала упоминать имя Рубена. Перестала и водить дружбу с еврейской молодежью из семей, проживающих в районе Нишанташи, площади Таксим или Шишли, и завела новых друзей – на факультете и в Моде, куда они перебирались на лето. Тогда же и появился Назым Хикмет.

¹⁵ Баязид – имя нескольких султанов Османской империи.

¹⁶ Драхма – в Турции приданое у евреев и христиан.

– Ой, какой смешной, какой милый!

Эмма с матерью прекратили перепалку и хором засюсюкали, увидев выглядывавшие из сумки огромные уши.

– Если ты разрешишь оставить его, я сама буду ухаживать, – Фрида смотрела на мать умоляюще.

– Мало нам блохастых собак с кошками, которых ты кормишь в саду! Даже не думай отпираться: если я молчу, это не значит, что я ничего не вижу. А что будет, когда мы зимой вернемся в город и у тебя начнутся занятия в школе? Конечно, все заботы о коте свалятся на меня!

Эмма, казалось, позабыла и о коммунизме, и о Назыме: она гладила котенка, а тот мурлыкал и жмурился от удовольствия.

– Глаза у него как у Рудольфа Валентино¹⁷. Давайте назовем его Валентино? – предложила Эмма, а затем добавила. – У меня есть время, я помогу. – Потом, насмешливо взглянув на сестру: – Будь уверена, будущая доктор-ханым, я лучше тебя буду ухаживать за котенком. И в четырех стенах он сидеть не будет, ему нужна свобода!

Сколько помнила себя Фрида, ее всегда называли «будущая доктор-ханым». Кто первым, когда и почему ее так назвал, она не помнила, но все детство слышала: «Кем же еще может стать такая добрая и ответственная девочка!», «Она очень трудолюбива, у нее отличная память!», «Чтобы учиться медицине, нужны не только ум, но и характер, а он у нее есть!» Вскоре Фрида сама уверовала, что создана быть врачом.

¹⁷ Рудольф Валентино (1895–1926) – американский киноактер немого кино.

Сентябрь 1940, Беазыт

– Фридушка, милая, вставай! Уже без четверти семь!

Фрида проснулась, широко раскрыв глаза. Старшая сестра трясла ее за плечо.

– Что случилось? – пробормотала она сонно, но Эмма уже упорхнула из комнаты.

«Откуда у нее столько энергии утром?» – подумала Фрида, села в кровати, протерла глаза. Тут ей вспомнился Исмаил, и ее вновь охватило странное чувство, в котором смешались приятное волнение и страх. Она встала и подошла к окну, выходящему во внутренний дворик. Пожелтевшие листья инжира ковром лежали вокруг ствола. Она приоткрыла створку, глубоко вдохнула запах влажной после ночного дождя земли. Затем подошла к шкафу, достала белую блузку и темно-синюю юбку и положила их на гладильную доску. Утюг был еще теплый, рядом с доской стоял таз с крахмальной водой. Фрида несколько раз окунула больничный халат и отжала. Пока халат подсыхал, побрызгала крахмальной водой и на блузку с юбкой. Запахло нагретой тканью, а снизу доносились ароматы свежесваренного чая и поджаренного хлеба. Благословенные запахи утра!

Когда они вместе с отцом и Эммой вышли на улицу, была уже половина восьмого. В одной руке Фрида несла увесистую сумку с книгами и вещами на неделю, а в другой держала недоеденный бутерброд.

Фрида очень любила вот так, по понедельникам, втроем ехать на трамвае до пристани в Кадыкёе, а оттуда на пароме до Каракёя. Они как будто оставляли в стенах дома свои роли – отца, старшей сестры, младшей сестры – и вели себя друг с другом на равных, обсуждая новости. На неделю закрылись ежедневные газеты «Тан», «Тасвир-и Эфкяр», «Хабер». Говорили, что теперь очередь франкоязычной «Ле Журналь д'Орьян»¹⁸. Все они критиковали внешнюю политику властей. Сестры посетовали, что не могут раздобыть нормальные перья для письма. Марка «Фабер» канула в лету, а турецкие ручки «Нур» царапали и рвали бумагу, словно это гвозди. Ухватившись за слово «гвоздь», Шмуэль Шульман пожаловался, что уже и гвоздей не достать.

– Теперь, когда мне нужно забить гвоздь, – сказал он, – я не покупаю новый, а ищу в коробке старый. Но это еще ничего... Что меня по-настоящему беспокоит... Девочки, не сорите деньгами, все экономьте: нас ждут еще более тяжкие дни! Я, конечно, сейчас говорю о тех, кто в этой стране в меньшинстве...

Первым занятием была анатомия. После свежего дыхания моря зловоние морга – смесь карболки и гниения – показалось Фриде сильнее и невыносимее, чем в первый раз.

Группа встала у «своего» трупа. Исмаил был уже тут. Он переходил от группы к группе, от трупа к трупу, показывал, советовал. Встретившись глазами с Фридой, он кивнул ей. Глаза девушки просияли нежностью и радостью, и у него потеплело на душе.

Сокурсники, насвистывая, точили ланцеты; почему-то они напоминали ей юных подмастерьев столяра, которые, несмотря на холод и тусклый сероватый свет в мастерской, весело пересмеиваются и болтают. Она и сама работала с удовольствием и, двигаясь постепенно от головы вниз, дошла уже до кистей. Она так увлеклась, что не заметила, как Исмаил встал у нее за спиной и прошептал на ухо:

– У тебя уже совсем неплохо получается!

¹⁸ «Тан», «Тасвир-и Эфкяр», «Хабер», «Ле Журналь д'Орьян» (на франц. языке) – ежедневные общественно-политические центральные газеты, накануне и во время Второй мировой войны критиковавшие власти за сотрудничество с немецким режимом.

Фрида поблагодарила его смущенной улыбкой и продолжила работать. Терпеливо сняв кожу с руки, теперь она могла рассмотреть все нервные узлы и волокна, все сосуды во всем их совершенстве. Хотя сам труп молодой женщины, над которым Фрида так долго трудилась, приобрел уже ужасающий вид: конечности усохли, кожа была изрезана во всех местах.

– Но эстетически это полная катастрофа! – посмеялся Исмаил, вновь склонившись к ее уху, и добавил: – Приходи в сад после занятия, решим, в какой кинотеатр пойдем.

Холодный, уныло-серый, с высоким потолком зал анатомического отделения, пропахший карболкой, от которой жгло в носу, показался Фриде сейчас таким светлым и прекрасным. Ведь это место их первой встречи с Исмаилом, их первого разговора.

Она попыталась собраться. О какой встрече, о каком кино может идти речь? Куда все это заведет ее? Прогуляться с Исмаилом до пристани, позволить ему взять себя за руку, пойти с ним вдвоем поздно вечером в кино... Он не иудей. Он чужой. Между ними не может быть ничего общего. Не должно быть... Лучше всего, пока не поздно...

– Договорились, встретимся в саду! – растерянно услышала она свой голос словно со стороны.

Впервые с начала учебного года она собиралась в кино, впервые выходила из дома так поздно вечером и впервые в жизни шла куда-то с мужчиной, который не приходился ей родственником. Фрида невероятно волновалась. Исмаил ждал ее у кинотеатра в семь.

Зеркало в полный рост было только в комнате хозяйки пансиона, мадам Лоренцо, которая куда-то ушла, вопреки обыкновению. Но Фриду в тот вечер словно сам дьявол подзуживал. Она спустилась на первый этаж и повернула ручку двери в ее комнату. Заперто! Тут Фриде стало неловко при мысли, что хозяйка ей явно не доверяла и что она оказалась права. Фрида вернулась к себе, перескакивая через три ступени, как будто за ней кто-то гнался. Пришлось довольствоваться крохотным зеркальцем. Она разглядывала себя. Волосы прямые как палки. Завить их надолго оказалось не под силу ни бигуди, ни щипцам. Зато они шелковистые и блестящие. Щеки круглые, пухлые, а так бы хотелось, чтобы они были впалые, как у Греты Гарбо! Поговаривали, что звезда удалила по зубу с каждой стороны. Может, однажды и Фрида, кто знает. Но лучше ценить то, что имеешь. Наконец, Фрида улыбнулась своему отражению: она начинала нравиться себе. Волосы она соберет в хвост, наденет просторное теплое платье, берет сдвинет чуть набок, а плащ просто накинёт на плечи. Нарядившись, Фрида вновь бросила взгляд в зеркальце и решила, что теперь выглядит шикарно.

Без десяти семь она уже стояла перед входом в кинотеатр, чувствуя, что ведет себя совершенно неправильно, ведь сколько раз мать с сестрой твердили: «Никогда не показывай мужчине, что он тебе нравится. Откроешь свои чувства – он сбежит!»

Впрочем, Исмаил, который подошел через несколько минут, не был похож на того, кто собирается сбежать. Как раз наоборот, он выглядел таким же счастливым и веселым, как Фрида. Он сразу взял ее за руку и через широкую дверь повел внутрь. Фрида чувствовала себя как во сне. Повсюду под стеклом висели черно-белые и цветные афиши. На самой большой целовалась парочка: блондинка и красавчик-офицер.

Они встали в очередь, Исмаил вынул из кармана горстку мелочи и, слегка смутившись, высыпал ее перед кассиром.

– Посмотрите, пожалуйста, хватает?

Фрида подумала, что ей стоит очнуться от своего сна и предложить на будущее, чтобы каждый платил за себя. Она же знала, что денег у него немного. И если он и дальше будет платить за нее, вскоре они никуда не смогут пойти, кроме университетского сада.

С карманным фонариком в руках они пробрались по темному зрительному залу и заняли кресла в центре.

Фильм только начался. Картина, «Отель „Империал“», история о любви и мести, случившаяся во времена Великой войны где-то в Галиции, то и дело прерывалась, и зрители оставались перед темным экраном. Героиню, Анну, играла итальянская актриса Иза Миранда, прекрасная блондинка с афиши. Но Фрида рассеянно следила за сюжетом. Исмаил держал ее руку в своей горячей ладони, и даже Рэй Милланд, исполнитель главной роли, не шел с ним ни в какое сравнение. Когда фильм закончился, они вышли и зашагали по пустой улице в полном молчании. Исмаил положил руку ей на талию, а она опустила голову ему на плечо. От соприкосновения их тел она вздрогнула. Исмаил тут же взял ее за подбородок и повернул голову к себе. Фрида поняла, что сейчас он ее поцелует, у нее пронеслось в голове: «Слишком рано, мы только познакомились!», но не стала сопротивляться. Как и Анна на экране несколько минут назад, она, запрокинув голову, прикрыла глаза. Губы Исмаила коснулись ее губ. Она снова вздрогнула. Язык Исмаила разжал ей губы. Они замерли посреди улицы. Фрида чувствовала, как огонь разгорается в каждой клеточке ее тела. Лай собаки и звук приближающихся шагов заставил их опомниться и пойти дальше. Теперь они шли в обнимку. Перед домом Фриды Исмаил вновь поцеловал ее, только более страстно, а она на этот раз с жаром ему ответила. Их поцелуй оборвал свисток уличного патруля. Исмаил отпрянул в сторону и лишь успел сказать: «Ты мне очень нравишься», пока Фрида торопливо поворачивала ключ в замке входной двери.

Еще один «первый раз» в ее жизни... «Я впервые поцеловалась с мужчиной», – думала Фрида, входя в дом. Хвала небесам, в прихожей никого не было. Стояла тишина. Должно быть, хозяйка давно спала. Перед тем как улечься, Фрида заглянула в маленькое зеркало: на нее смотрела незнакомая девушка с растрепанными волосами, чуть запавшими глазами, пылающими щеками и томным взглядом. Она с трудом узнала ее.

«Ты с ума сошла, Фрида. В самом деле сошла с ума! Разве ты не видишь, что это ничем хорошим не закончится?»

Но Фрида чувствовала, что назад пути уже нет.

* * *

Начиная с того дня Фрида и Исмаил стали проводить вместе каждую свободную минуту. В хорошую погоду они обедали хлебом, оливками и халвой в университетском саду; в дождь ходили есть суп в новую студенческую столовую. Если Исмаил не успевал на обед, то вечером, после занятий, Фрида ждала его в курилке; часто они занимались немецким или ходили в кино. Но с самого первого дня их общения главным удовольствием для нее стали их разговоры. Они рассказывали друг другу про все: про лекции и профессоров, про больных и болезни, про прочитанные книги, про семьи и домашние проблемы, про то, как прошел день, про свое прошлое.

Исмаил часто вспоминал о первых, самых трудных, студенческих годах, когда его будущее зависело от министерства здравоохранения. Только год назад ему удалось съехать из общежития, разумеется, при условии, что он сторицей вернет долг за все годы учебы.

– Как тебе это удалось? – удивилась Фрида.

– Сейчас те, у кого есть средства, не остаются на специализацию в университетской больнице, – объяснил Исмаил. – Потому что это означает еще минимум три-четыре года прозябания, когда ты будешь дежурить по ночам, таскать портфель за своим наставником, и все это – за казенную зарплату. Но, если проходить практику в клинике и в то же время устроиться на работу, можно жить с комфортом. Поэтому преподаватели присматривают заранее способных и заинтересованных пятикурсников, устраивают их на небольшую зарплату, а фактически берут себе в ассистенты. Таким образом можно проходить субординатуру пятого и шестого курсов, а в свободное от учебы время, по ночам и летом, работать ассистентом. И так я сейчас и работаю!

Исмаил улыбнулся широкой, искренней улыбкой и продолжил:

– Потом, после окончания университета и службы в армии, я смогу устроиться ассистентом официально, на ставку, но для этого надо еще очень много работать. Нужно стать правой рукой наставника, а для этого приходится забыть обо всех других потребностях.

– Каких потребностях?

– Ну каких-каких? Деньги, родственники или друзья... Короче говоря, мне, чтобы достичь того, что я хочу, нужно приложить в пять, а то и в десять раз больше усилий, чем другим.

Фрида почувствовала, что ее предупредили. Образование и карьера для Исмаила превыше всего. Так и должно быть. Так нужно.

В тот день, говоря с ней о планах на будущее, он смущенно отвел глаза и признался:

– Жалования ассистента не хватает, чтобы заработать даже на пропитание. А я еще хотел помогать семье. Так что, когда я уехал из общежития, то по ночам работал посыльным в «Парк-отеле». Я и сейчас там подрабатываю. Тут нет никакого секрета, но об этом никто не знает, кроме двух человек.

Фриду охватила нежность. Она хотела сказать: «Что здесь скрывать?» или «Все бы студенты так!», но передумала и лишь произнесла: «Я тебя понимаю».

* * *

Фрида растерялась, когда впервые услышала, как один приятель Исмаила назвал ее «невестка». Откуда взялось такое странное обращение? Но вскоре заметила, что и в ее повседневной жизни произошли некоторые перемены. Теперь, нравилось ей это или нет, она была «несвободна». Однокурсники начали ее сторониться. Возможно, они не знали, как держаться с девушкой ассистента профессора, теперь с ней никто не перешучивался, как прежде, ее перестали звать поболтать за кофе или чаем.

Это не могло не злить Фриду – она ценила дружбу. Но втайне ей нравилось такое особое отношение, хотя она и не была готова себе в этом признаться.

Каждую пятницу Исмаил, если у него не было работы, провожал Фриду до паррома. Он ждал, пока она устроится в салоне и, глядя на нее с видом собственника, стоял на причале до самого отправления.

– Тебе только платочка в руках не хватает, – сказала однажды Фрида.

И сразу заметила, как Исмаил нахмурился, а в его глазах мелькнули искорки гнева. Она тут же попыталась перевести все в шутку и торопливо добавила: «Если бы я тебя не увидела, то не смогла бы спокойно провести выходные».

Она постепенно привыкала к тому, что чувство юмора Исмаила несколько отличалось от ее собственного. Она, как и ее домашние, была в любой момент готова посмеяться над собой. А вот у Исмаила было множество запретных для шуток тем.

Октябрь 1940, Мода

Тем пятничным вечером Фрида сошла с парохода на пристани в Кадыкёе. Уже темнело, моросил мелкий ледяной дождик. Она задрожала, подняла воротник пальто, потуже затянула шарф и направилась к трамваю, стараясь не прислушиваться к выкрикам мальчишек-газетчиков о новых несчастьях и катастрофах. Хотелось как можно скорее добраться до дома, оказаться с семьей, мирно разговаривать на привычные темы и есть привычные блюда. Может, только там она и чувствует себя в безопасности...

Во время шабатней трапезы, на которую она опоздала – световой день стал короче, – Фрида обратила внимание на кое-что новое. Весь ужин Эмма только и делала, что рассказывала о юноше, имя которого Фрида и раньше слышала от сестры. Он часто заходил в книжный магазин «Ашет», и они подружились. Эмма закрывала глаза на то, что он тайком читал книги в углу, чтобы не тратить деньги. Стоило ей заговорить о нем, как щеки ее наливались румянцем, а глаза начинали сиять.

Ференц Сарди был родом из Венгрии. Он работал техническим директором в стамбульской компании, занимавшейся импортом радиоламп.

– Ференц непременно захочет с вами познакомиться. Здесь ему очень одиноко, его семья осталась в Венгрии. Хочу его пригласить к нам в одно из ближайших воскресений. Вы же не против?

Самуэль Шульман сначала было нахмурился, но, подумав, наконец произнес:

– Ну хорошо, пусть приходит! Посмотрим!

– Прекрасно! Вообще-то... Честно говоря, я его уже пригласила на завтра. Если бы вы не смогли его принять, я бы, конечно, отказала. Он очень обрадовался, что мы его позвали!

– Еще бы, – проворчал отец. – Кто в наше время приглашает к себе. Ну а ты, я вижу, все прекрасно сама устроила, даже нас не спросив.

– Папочка! Я уверена, он всем вам очень понравится!

– Завтра, как только звезды появятся¹⁹, поедem к мяснику: он обещал придержать нам хорошей курятины, – вмешалась Броня.

На следующий день рано утром Самуэль Шульман, как обычно по субботам, направился в синагогу квартала Йель-Деирмени, чтобы провести время в молитве. По возвращении он позавтракал, а затем расположился в кресле в фортепианной комнате. Следом вошла Фрида, подошла к отцу, который поцеловал ее в щеку, а после этого уселась в угол с учебником.

– Я позанимаюсь до обеда, папочка, – сказала она.

В доме Самуэля Ароновича Шульмана по субботам работать и учиться не разрешалось. Но он прекрасно понимал, что у дочери нет другого времени, и поэтому старался не выказывать недовольства.

Броня Шульман уселась рядом с мужем. Она открыла журнал мод, но было ясно, что все ее мысли заняты только тем, что поставить на стол к приходу гостя вечером.

Эммы с ними не было. «Наверное, у себя, или книжку читает, или все представляет, как пройдет семейный ужин с Ференцом», – подумала Фрида. Ей и самой было интересно, что это за молодой человек.

Внезапно зазвонил телефон. Самуэль недовольно посмотрел на маленькую черную звонящую коробочку, словно его строгий взгляд мог заставить телефон замолчать. Фрида с мате-

¹⁹ Согласно иудейским традициям, шабат начинается за 18 минут до захода солнца в пятницу вечером и продолжается в субботу до тех пор, пока на небе не покажутся три звезды; время наступления и окончания шабата меняется в зависимости от времени года. – *Прим. авт.*

рю вскочили одновременно. Броня оказалась ближе и сняла трубку, а отец рассерженно произнес, как произносил каждую неделю:

– Скажите всем вашим друзьям и знакомым, чтобы не звонили нам по субботам! По субботам мы не можем отвечать на звонки!

– Алло, алло! – громко повторяла в трубку Броня. Кажется, на другом конце провода молчали. Она еще несколько раз повторила свое «Алло!», рассерженно рывкнула по-русски: «*Нахал чертов!*» – и швырнула трубку.

Фрида закрыла книгу. Сердце ее забилося. Неужели? Неужели это Исмаил? Мог бы он позвонить?

Они уселись за стол и принялись есть яхни²⁰ с нутом, которое подогревалось на маленькой спиртовке, с вечера стоявшей на столе. Фрида неохотно ковыряла мясо, как вдруг телефон снова зазвонил.

На этот раз она встала сама и чуть не побежала в фортепианную, спиной чувствуя пристальный взгляд матери. Она плотно прикрыла за собой дверь, сняла трубку и едва произнесла «Алло!», как услышала на другом конце голос Исмаила.

– Я соскучился по тебе со вчерашнего дня!

Голос его прозвучал так, словно он сам растерялся от собственных слов.

– Я тоже, – ответила Фрида, понизив голос так, чтобы домашние не услышали ее слов. – Только что звонили и молчали в трубку, это ты?

– Да! Не нашелся, что сказать. Ты же говорила, что у вас по субботам к телефону не подходят, вот я и не ожидал, что услышу твою маму. Я устроил тебе неприятности? Твои что-то заподозрили?

– Нет... Хорошо, что ты позвонил. Ладно, у нас сейчас обед, я не могу долго разговаривать.

Из-за двери послышался гневный оклик отца, подтверждавший правоту ее слов.

– Фрида! Ты еще не закончила разговаривать? Мы тебя ждем, дочка!

– Да, папочка! Уже иду! – откликнулась она. А затем добавила громким голосом, чтобы и домашние услышали, и Исмаил тоже понял: «Ну что, в понедельник встретимся на факультете! Надеюсь, тебе поможет то, о чем я рассказала! Хороших выходных!»

Затем, взволнованная, вернулась к остальным.

– Одна подруга с факультета. Она не успела лекцию записать, кое-чего не поняла, я ей немного объяснила.

– А ты говорила ей, чтобы она не звонила нам по субботам? – строго спросил отец.

– Ну кто в этом что понимает, пап? У нас на курсе евреев только двое. А соблюдающая одна я.

Фрида адресовала отцу самую нежную улыбку, на которую только была способна: короткий разговор с Исмаилом придал ей терпения.

В качестве десерта Броня подала на стол неизменный яблочный пирог с изюмом и корицей и щедро политый пекмезом²¹. Фрида с трудом смогла съесть только пару кусочков. С начала их романа с Исмаилом аппетит у нее пропал.

Когда ужин закончился, она, опередив мать, убрала со стола и вымыла посуду. На душе было беспокойно.

Едва стемнело, Броня скомандовала дочерям:

– Так, девочки! Мясник еще не закрыл лавку, у нас есть время. Собирайтесь, едем в магазин!

²⁰ Яхни – тушеное мясное блюдо в густом соусе, с жареным луком.

²¹ Пекмез (бекмес) – вываренный до густоты меда виноградный сок.

Они вышли из дома. Радуюсь свободе после целого дня безделья, с удовольствием вдыхая холодный уличный воздух, они быстро дошли до остановки и сели в сразу подъехавший трамвай. Броня тихонько вздохнула. Поблизости можно было купить мясо и лучше, и дешевле, но отец никогда бы не допустил некошерных продуктов, и поэтому Броне приходилось сейчас тащиться в темноте в такую даль.

По дороге мать семейства, поскольку мужа рядом не было, устроила Эмме настоящий допрос: что за молодой человек, серьезны ли его намерения, можно ли ему доверять и как часто они встречаются?

Эмма лишь несколько раздраженно пожала плечами:

– Может, ты не будешь смотреть на каждого парня, с которым я разговариваю, как на будущего мужа? Это мой приятель, мы просто вместе весело проводим время. К тому же ему очень одиноко, и мне захотелось, чтобы он провел воскресный обед в домашней обстановке, вот и все.

– Неужели у парня здесь совсем никого нет?

– Я же сказала, что его родители остались в Будапеште! Здесь у него никого, кроме товарищей по работе и меня! Он даже думает завести собаку!

Наутро дом охватила радостная суматоха, и Фрида с удовольствием погрузилась в нее. Сколько бы ни отмахивалась сестра, было ясно, что гостя она ждет с нетерпением. Может, и сама Фрида стала внимательнее, потому что в ее сердце поселилась любовь к Исмаилу?

Курица, купленная к приходу Ференца, провела ночь в проволочном шкафу²², а наутро была опущена в кипяток и ошпарена. Броня собиралась приготовить к приходу гостя традиционные блюда: бульон с лапшой и куриную шейку, фаршированную курятиной, маслом, хлебом и изюмом. И мать, подумала Фрида, придает визиту гостя не меньшее значение, чем Эмма, раз затеяла такие блюда в то время, когда цены на хлеб и сахар взлетели. Внезапно Фрида почувствовала легкий укол зависти: «Конечно же, Эмма всегда ей дороже».

Она даже почувствовала солидарность с отцом, наблюдавшим всю эту домашнюю суматоху с кислым видом: было бы о чем волноваться!

Около часа раздался звонок в дверь. Эмма побежала открывать, а Фрида от любопытства поспешила следом.

На пороге стоял высокий, спортивного вида молодой мужчина в легком бежевом плаще. Лицо грубоватое, но привлекательное, каштановые волосы набриолинены и аккуратно зачесаны. Он поздоровался с Эммой и вручил ей плащ, а затем посмотрел на сестру и произнес: «О! Вы, должно быть, Фрида? Очень приятно!» У него была милая улыбка, слова он произносил спокойно, чуть растягивая, как будто даже с безразличием. Движения его были под стать речи. Он неторопливо подошел к хозяйке дома, стоявшей поодаль в прихожей и с трудом скрывавшей любопытство, протянул ей коробку лукума и склонился к руке. «*Ich küsse die Hände*», «Целую ваши ручки», – произнес он по-немецки, чем сразил Броню окончательно.

Эмма представила гостя отцу, ожидавшему в столовой, а после Ференц с успехом прошел последнее испытание: когда Валентино нежно потерся о его ноги, Ференц наклонился и аккуратно взял его на руки. Кот громко замурчал от удовольствия.

– Вы кошек любите, – заулыбалась Броня.

Гость осторожно опустил Валентино на пол, вымыл руки, и все уселись за стол.

«Судя по худобе, питается он неважно», – заметила про себя Фрида. Мать протянула одну куриную ножку мужу, а другую Ференцу – многозначительный жест. И было ясно, что гостю все очень нравится и он поддерживает беседу без всякого стеснения. Они обсуждали

²² Проволочный шкаф – старинный буфет для хранения продуктов и посуды, в стенки и дверцы которого вставлялась проволока для вентиляции.

политику Турции до и после войны за независимость, проблемы Анкары, пытавшейся, маневрируя между Германией и Великобританией, сохранить ровные отношения с обеими державами, притеснения и преследования евреев, антисемитские карикатуры и анекдоты, которые уже появлялись в некоторых ультраправых газетах. Потом разговор перетек на музыку и литературу.

Ференц тоже любил музыку. У них дома в Будапеште стояло фортепиано, на котором играла мать, а его самого в детстве заставили учиться на скрипке.

– Однако, – добавил он со смехом, – вскоре мой учитель по достоинству оценил мой талант и честно сказал матери, что занятия лучше прекратить.

Когда он рассказывал, как ходил на два концерта в народный дом²³ в районе Эминёню и в кинотеатр «Сарай», он поглядывал на Эмму; очевидно, они ходили вместе. Больше всего он любит оперу, а особенно Вагнера. Когда у него есть время, он заходит в «Ашет» посмотреть книжные новинки – снова взгляд на Эмму – и иногда что-нибудь покупает. Читает он, конечно же, не только венгров, таких как Шандор Марай или Михай Бабич, но и русскую классику, в особенности Толстого и Достоевского, а из современных французских писателей ему нравятся Ромен Роллан и Анри Барбюс. Когда речь зашла о литературе, рот у Ференца не закрывался, а глаза блестели. Он даже назвал нескольких венгерских поэтов, имен которых Шульманы прежде никогда не слышали. И добавил, что очень любит Назыма Хикмета.

Для Брони это имя прозвучало как команда сменить тему, и она спросила гостя, давно ли он живет в Стамбуле. Сестры насмешливо переглянулись. Наверное, мать вообразила, что Ференц сейчас же начнет декламировать Хикмета.

Ференц уехал из Венгрии, когда там начали притеснять евреев. Он нашел прибежище в Стамбуле, работал на разных работах: успел потрудиться в «Бюро балканских новостей», а сейчас уже год как перешел в фирму, которая занимается импортом радиоламп. А еще он увлекается фотографией.

– У нас в Венгрии почти каждому мальчику на бар мицву²⁴ дарят фотоаппарат. С того времени я увлекся фотографией, а сейчас в Стамбуле вообще снимаю каждый угол.

Известия от его родителей приходили нечасто: они в Будапеште, с ними все в порядке, но война есть война. Их очень тревожило, что Венгрия вступила в войну на стороне Германии. Тут Ференц помрачнел, голос его зазвучал глуше.

Молодой человек говорил с Шульманами на смеси турецкого, немецкого и французского, а вот идиш он знал плохо и ясно было, что в его семье на нем говорили редко.

После обеда Эмма села за рояль и сыграла «Венгерские танцы» Брамса. «Это чтобы ты меньше скучал по родине, – улыбнулась она Ференцу. – Когда я играю Брамса, я вижу перед собой зеленые берега Дуная, на которых светловолосые венгерские юноши и девушки танцуют в вышитых национальных костюмах». Фрида прыснула.

Так Броня прививала девочкам любовь к музыке: после игры на фортепиано они должны были обсуждать услышанное, описывать образы и сценки, которые представляли во время игры. В известной прелюдии Шопена, казалось, звенели капли дождя, стучавшие по стеклу монастырского окна на Майорке, у которого композитор ожидал с прогулки свою возлюбленную, Жорж Санд. В первой части Шестой симфонии Чайковского грусть стояла на пороге, а в последней – прощание и разлука. Сестра, как и мать, обожала фантазировать по мотивам музыки, а Фрида любила просто слушать.

Затем Эмма заиграла вальс Штрауса, растекшийся по воздуху сиропом, потом затейливую композицию из «Королевы чардаша». Все развеселились: кто размахивал в такт рукой,

²³ Народными домами в Турции называли просветительско-досуговые центры наподобие советских домов культуры.

²⁴ Бар мицва – в иудаизме обряд посвящения мальчика во взрослую духовную жизнь, который совершается по наступлении 13 лет. – *Прим. авт.*

кто топал ногой, а кто и подпевал. Только Самуэль Шульман не участвовал в общем веселье, а лишь задумчиво грыз трубку. Около пяти часов накрыли чай и перед молодым человеком поставили чашку с крепкой заваркой.

– Вам непременно понравится, – сказала Броня. – Мы, с нашими русскими корнями, как вы знаете, просто жить не можем без чая! Это самый настоящий дарджилинг. Самуэль часто привозит его из деловых поездок. Мы любим крепкий и очень сладкий чай! А какой любите вы?

К чаю гостю предложили яблочный пирог, остававшийся с пятницы. Сестры вновь насмешливо и многозначительно переглянулись. Было ясно, что Ференц матери очень понравился. А кроме того, ел с аппетитом все, что перед ним ставили, в отличие от дочерей и мужа Брони.

– Вы слышали? Некоторые продукты обложат пошлюной, и они сразу подорожают, – сказала Броня возмущенно, словно речь шла об оскорблении, нанесенном ей лично.

– Да, – кивнул Ференц, – и не сомневайтесь, сразу же следом введут продовольственные карточки!

И, пока столь тяжелые дни не наступили, он под одобрительным взглядом Брони положил в рот последний кусок пирога.

– Еще чаю?

– Большое спасибо! С вашего позволения, я откланяюсь! Уже довольно поздно.

Броня глубоко вздохнула:

– На здоровье! Только мы зажили спокойно, как сейчас снова все с ног на голову встанет. А ведь мы думали, что беды наши давно позади! Когда переехали из Одессы в Стамбул, в кармане ни куруша не было.

Эмма и Фрида вновь переглянулись. Они хорошо знали продолжение.

– Я на морозе и ледяном ветру стирала пеленки. Руки у меня покраснели, с них потом слезала кожа, а пальцы опухли.

Броня продемонстрировала гостю руки с чуть искривленными пальцами с опухшими суставами, но довольно ухоженные – и продолжила:

– Мы голодали! А Фрида была такой худенькой! Ножки и ручки как спички! Она все время хотела есть и постоянно болела. В одной гостинице, где мы жили, нам встретился врач. Он лечил нас бесплатно, потому что мы были из России. Откуда бы у нас взялись деньги на доктора? Однажды он сказал мне: «Каждый день давайте дочери столовую ложку рыбьего жира!» И мне приходилось этот самый рыбий жир воровать у соседей, чтобы моя доченька вконец не исхудала, не заболела, не умерла! Да, кухня там была общей, поэтому я могла красть! Не один и не два раза, а три или четыре раза отливала я из большой соседской бутылки. Сейчас как вспомню – сразу стыдно делается!»

Это были главные воспоминания о младенчестве Фриды, которые ей постоянно пересказывали: стирка на морозе, измученные руки, жалостливый врач и украденный у соседей рыбий жир.

– По ночам, – продолжала Броня, – я обливалась горячими слезами, но днем мои близкие всегда видели только мою улыбку.

Май 1924, Юксек-калдырым

Эмма держала Фриду за руки и вальсировала, но той было трудно попевать за сестрой, хоть она и старалась как можно быстрее перебирать маленькими ножками и даже подпевать ей, повторяя непонятные слова песни: «Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка, тум-бала, тум-бала, тум-балалайка...»

Но тут Эмма закружилась так быстро, что Фрида упала на покрытый циновкой пол, ударилась и заплакала.

– *Ой-вей изт мир!*²⁵ Фридушка, ты ушиблась? – Броня влетела в комнату, словно молния. – Ах, деточка моя! Смотри, что я дам тебе, не плачь, моя дорогая. Все уже прошло.

Мать наклонилась, подняла девочку, а затем сердито сказала Эмме:

– Я предупреждала тебя, не вздумай кружить сестру как сумасшедшая! Кто так играет?

– Ну мама! Нам так весело было! Ты разве не слышала? Она смеялась громче меня.

– Ну и что! Она еще очень маленькая! Одна кожа да кости.

Фрида тем временем утерла нос рукой и, догадавшись, что мать ругает старшую сестру, протянула ей эту самую руку:

– Эммочка, давай еще потанцуем!

Эмма победно посмотрела на мать:

– Ну вот! Видишь?

Фриду мутило от таких танцев, она бы предпочла тихонько играть в углу со своей однорукой куклой. Но она не могла спокойно смотреть, как ругают сестру, вообще не любила, когда кто-то расстраивается.

Мать глубоко вздохнула. Сколько помнила себя Фрида, мать постоянно вздыхала, но в последнее время вздохи участились.

По ночам Фрида, лежа в их общей комнате, слышала, как родители разговаривают вполголоса, и голоса их всегда звучат так, будто они на что-то жалуются. Часто доносились слова «безденежье, чужбина, чужой язык, Фрида кожа да кости». Очень часто. Мать плакала, а отец пытался успокоить ее ровным голосом: «Ничего хорошего бы не было, останься мы в Одессе. Даст Бог, все наладится, а я найду себе дело, и община нам помогает».

Эта Одесса, с улицами, окаймленными акациями, с лестницами, спускавшимися к морю, была очень хорошим городом, но внезапно стала опасной и страшной. И одной темной ночью, когда Эмма была еще совсем крошкой, они всей семьей бежали от людей, гнавшихся за ними с оружием, сели на корабль и приплыли сюда, сумев вывезти в поясах все свое золото. Улица, на которой они поселились, называлась Юксек-калдырым. Фрида никогда не видела Одессы, она родилась уже здесь.

В этом году Эмма пошла в школу на улице Кумбараджи, куда ходили все дети их дома. В школе была огромная входная дверь, три сторожа и бородатый директор по имени Доктор Маркус. Каждое утро мать вплетала сестре в косу огромный белый бант, Эмма надевала черный передник, брала сумку и отправлялась на уроки, а по возвращении садилась за стол и долго что-то писала. Фриде было скучно дома одной, поэтому, когда сестра возвращалась, она соглашалась на что угодно: кружиться до тошноты, прыгать и скакать. Мать говорила, что занятия в школе скоро закончатся и всех детей отправят на лето в лагерь. Может, удастся пристроить и Фриду: там она хотя бы немного окрепнет.

²⁵ Причитание, смысл которого можно перевести как «Ой, горе мне!» (*идиши*).

Октябрь 1940, Мода

– Тем не менее долго мы не бедствовали, – добавила Броня и, одобрительно посмотрев на мужа, продолжила:

– Самуэль много переводил, по ночам сидел над переводами, но не жаловался. И он довольно быстро освоил турецкий язык и стал посредником в маслоторговле. А я начала давать уроки музыки и французского. Мы переехали в отдельную квартиру в Тюнель, а чуть позже купили себе этот домик. Точнее, это я его купила на деньги от моих уроков. Теперь, когда началась война, мы живем тут круглый год, так спокойнее, – заключила она с гордостью.

Ференц посмотрел на часы и попросил разрешения откланяться.

После того, как он ушел, первой заговорила Фрида.

– Мне очень понравился твой друг, Эмма. Разумный молодой человек, знает, чего хочет. И прекрасно воспитан и образован.

Броня согласилась:

– В самом деле, Эмма! Мне тоже он показался благовоспитанным, и в то же время такой спокойный, уверенный в себе.

– Я умею выбирать себе друзей! И уж если выбрала себе друга, то непременно хорошего!

В этом была вся Эмма! Даже из комплиментов Ференцу умудрялась извлечь выгоду. Все усмехнулись.

Самуэль Шульман не принимал участия в разговоре жены и дочерей. Он взял газету, которую даже раскрыть не смог из-за суматохи, поднявшейся в ожидании гостя, и удалился в гостиную. Когда мать и дочери убрали со стола и перемыли всю посуду, они пришли к нему.

– Понравился тебе Ференц? – сгорая от любопытства, спросила Броня. – Ты словно в рот воды набрал. И при нем тоже почти не разговаривал.

Самуэль вновь зажег трубку, задумчиво затянулся, а затем произнес:

– Сомневаюсь, что этот человек в самом деле еврей. В Венгрии живет немало цыган. Как бы он цыганом не оказался!

– Но папочка! С чего ты вдруг взял, что Ференц цыган? – возмутилась оторопевшая Эмма. Фрида тоже растерялась. Она сразу почувствовала, что отцу друг сестры не понравился, но такой вывод был уже чересчур.

– Как тебе сказать... Бывает всякое! Узнать про него ничего нельзя. Откуда он приехал, откуда он родом, неизвестно. Идиша он толком не знает. И я еще ни разу не встречал еврея по фамилии Сарди.

– Он же сказал, что настоящая его фамилия – Штайнер.

– Разве? Значит, я прослушал. Но есть в нем еще что-то странное. Что-то ненастоящее. Он уже столько лет в Стамбуле, а толком не смог сказать, где он работал, с кем знаком.

– Спроси сам в следующий раз!

– Не перебивай. Он говорит, что у него есть пресс-карта, однако проработал всего несколько месяцев в неизвестном новостном бюро, ничего не написал, ни в какой газете не служит. В университете он тоже не учился! Да и сейчас неизвестно чем занимается. Если я верно понял, то в этой своей фирме он радио чинит, что ли?

– Он технический специалист, папа! Он техник! – поправила Эмма отца дрожащим от гнева голосом.

– Ну ладно, значит, я все правильно понял. Разницы особой тут нет. Что могу сказать, дочка? Держи себя в руках, чтобы потом не разочароваться!

Он вытряхнул содержимое трубки на стол и нанес дочери последний удар:

– А кроме того, я совершенно не хочу, чтобы обо мне, о моей семье, о моей дочери пошла дурная слава. Я, конечно, более либеральных взглядов, чем турки, но всему есть границы!

Краска бросилась Эмме в лицо, губы задрожали, и она опустила голову.

В этот момент Фрида поняла, что, хоть сестра и старалась делать вид, что не относится к Ференцу серьезно, но, как бы ни сильна была рана, нанесенная Рубеном, сестра была готова глубоко привязаться к Ференцу.

Впервые в жизни она сочувствовала своей гордой, веселой, умной старшей сестре. Расставшись с Рубеном, Эмма, очевидно, пыталась составить для себя какой-то жизненный план, пыталась зацепиться за что-то. Сначала она объявила семье, что стала коммунисткой. Диванной коммунисткой, как ее прозвала Фрида. Сейчас, казалось, Эмма была готова перенять взгляд на мир у Ференца Сарди.

– Фрида, у меня шея затекла. Не разомнешь?

Фрида подошла к матери. Она привыкла, и ей даже нравились такие просьбы. Никто лучше нее не умел разминать домочадцам затекшие шеи или спины. Задолго до поступления в университет к ней начали обращаться соседи, особенно у кого были маленькие дети, иногда просто посидеть с ними.

Делая матери массаж, Фрида размышляла о сестре. Да, Эмму ее возлюбленный в конце концов бросил, а она, Фрида, любит самого талантливого и известного студента на факультете и любима им.

«Как бы он цыганом не оказался!» – слова отца о Ференце насторожили ее. Как онотреагирует, когда узнает, что вторая дочь встречается с мусульманином?

– Фрида, доченька, осторожно! Я тебя попросила размять мне шею, а не придушить меня.

Фрида не заметила, как ее движения стали грубее.

Впрочем, будущее ее нисколько не волновало: думать она могла только о том, как завтра они пойдут с Исмаилом в кинотеатр, как крепко будет его рука сжимать в темноте ее руку и как его губы будут касаться ее губ.

Несмотря на все тяготы, в двадцать лет жизнь казалась ей прекрасной.

Она уже почти заснула, как вдруг дверь открылась, вошла Эмма и села у Фриды в ногах.

– Я так счастлива, Фридушка. Знаешь, что сказал мне Ференц, уходя?

– Что больше не сможет жить без маминых штруделей?

Эмма схватила одну из подушек с кровати и сделала вид, будто хочет кинуть ее в сестру.

– Он хочет забрать себе Валентино, чтобы спастись от одиночества?

Сестра легонько дернула ее за волосы.

– Перестань! Мне больно! Я догадалась! Трудно было не догадаться! Он сказал, что хочет жениться на тебе.

– Угадала! Через неделю он придет просить у отца моей руки, – торжественно сообщила Эмма и, наклонившись, расцеловала сестру в щеки.

«Сейчас у нас обеих время любить», – счастливо подумала Фрида, засыпая.

Время войне

Октябрь 1940, Беязыт

Рано утром 28 октября у самых границ Турции началась война: Италия напала на Грецию в ответ на категорический отказ генерала Метаксаса выполнить условия ультиматума, содержащего притязания Италии на греческие земли.

В понедельник по дороге на факультет Фрида сразу заметила волнение повсюду: на улицах, в кафе, в лавках.

На большой мраморной лестнице основного корпуса университета царил тревожная суматоха, мало напоминавшая обычный обмен новостями после выходных. Все сновали с этажа на этаж, от медиков к юристам, от юристов к экономистам и обратно к медикам, все размахивали газетами, громко зачитывали статьи, яростно спорили. И все разделились на оптимистов и пессимистов, лишь немногие остались в стороне. Фрида про себя присоединилась к пессимистам, но решила мысли свои держать при себе и не вступать в споры.

Третьей была лекция по гистологии, к которой студенты обычно готовились с большим усердием. Почему-то этот предмет всем давался с трудом, и его не любили. А Фрида с удовольствием и слушала лекции, которые профессор, родом, как и Ференц, из Венгрии, вел на французском, и увлеченно занималась на практикумах с микроскопом. Преподаватель уже входил в аудиторию, как вдруг к Фриде подошел Кемаль, еще один еврей на их курсе, и, слегка потянув ее за руку, прошептал на ухо:

– Можно тебя на минутку?

Фрида удивилась. Они никогда не были приятелями, Фрида знала только, что он живет где-то рядом с Галатской башней, на улице, где синагога. Сообразительный, но не очень приятный. Наверное, ему нужен конспект прошлой лекции.

– Я хотел тебя предупредить кое о чем.

Кемаль помолчал, затем набрал полные легкие воздуха.

– Знаешь, этот парень с пятого курса... Исмаил. Который задирает нос до небес на анатомии. В перерывах вас все время видно вместе. Однажды вечером я видел вас в кино. Вы ведь дружите?

– Да, дружим, – кивнула Фрида и тут же разозлилась на себя. Она что, отчитываться перед этим олухом должна?

– Я, конечно, не хочу вмешиваться, но ты играешь с огнем! – продолжал тем временем Кемаль.

Фрида покраснела до корней волос и злобно спросила:

– С какой стати ты лезешь не в свое дело?

– С той стати, что я твой единоведец. Такое время, мы должны держаться друг друга. Ты что, не видишь, как эти туранисты²⁶ беснуются, как задирают преподавателей на лекциях? Ты видела, что написано на обложке их главного журнала? «Тюркская раса – превыше всех!» А отвратительные карикатуры? Все это скопировано с нацистских журналов. Те, кто это читает, не могут не возненавидеть нас, даже если совсем не знают. Неужели ты ничего не замечаешь?

– Конечно, замечаю! Но при чем здесь Исмаил?

²⁶ Туранизм – политическое движение за объединение т. н. туранских народов, включающих в себя тюрков, финно-угров и др. Зародилось еще в XIX веке. Но в Турции туранистами стали называть и пантюркистов, сторонников объединения тюркских народов. См. прим. на стр. 134.

– Ты, кажется, не догадываешься, какие беды на тебя может навлечь дружба с турком. Ты ничего не слышала об Эльзе Ньего?²⁷

Фриду переполняла ярость, но она решила отшутиться, чтобы он отстал.

– Прости, я вообще не в курсе, о чем ты тут говоришь. Смотри, у нас занятие начинается. Может, тебе стоит побольше думать об учебе и медицине? И не забивать бы себе голову, с кем и куда я хожу. Думаю, это тебе только на пользу бы пошло.

Кемаль пожал плечами:

– Я свой долг выполнил и сказал то, что должен был. А услышать меня или нет – твое дело, – с этими словами он отошел.

Фрида не могла дождаться встречи с Исмаилом. Злость и раздражение от разговора с Кемалем никак не проходили, и сегодня ей особенно хотелось побыть с Исмаилом, слышать его голос, чувствовать свою руку в его руке.

В пять часов под непрерывным дождем она направилась к площади Беязыт, сейчас пустой и безлюдной. Время от времени со стороны Чарши-капы врвался трамвай, а затем сворачивал в сторону Аксарая или Фатиха. Она шла в библиотеку, но, не дойдя до нее, увидела улыбающегося издали Исмаила, шагавшего ей навстречу.

– У меня есть два часа. Давай лучше пойдем в «Кюллюк»²⁸, чем торчать здесь на холоде!

Павильон кофейни «Кюллюк» был, как всегда, забит до отказа и прокурен. Кто играл в бридж, шашки или нарды, кто сидел над книгами или что-то писал. Другие просто задумчиво смотрели перед собой, прихлебывая чай. В гуле голосов доносились отдельные фразы:

– Если итальянцы победят греков, то Турция окажется в трудном положении...

– Если войска Муссолини захватят Восточную Фракию и подойдут вплотную к нашим границам...

– Англичане обязаны защитить греков.

– Завтра же День Республики, все забыли!

Фрида с Исмаилом нашли место, сели, Исмаил закурил, а затем взял Фриду за руку.

– Давай хотя бы мы не будем о войне, – улыбнулся он.

– Совершенно с тобой согласна! Я сегодня на патологии задала профессору вопрос, но он толком не ответил, и у него голова забита политикой. Может, ты мне объяснишь?

– Конечно! Дай-ка возьму бумагу и ручку.

Обычно, когда он собирался что-то пояснить, его длинные тонкие пальцы тут же тянулись к перу и бумаге, и, рассказывая, он непременно что-то рисовал.

Прямо у них за спиной раздался чей-то громкий голос, заглушивший остальные голоса:

– Скоро запретят проезд всех частных автомобилей! Только медицинских!

Фрида невольно обернулась.

– К тому моменту, когда ты доучишься, станешь врачом и обзаведешься собственным автомобилем, война закончится. Лучше бы послушал, что я говорю! – перебил его с нарочито грозным видом Исмаил.

Медицина заставляла его забыть обо всем. Он давно принял твердое решение: он станет хирургом. Он надеялся попасть ассистентом в первое хирургическое отделение, к профессору Бедии Таджеру.

– Отделению всего несколько лет. Его глава, профессор Мюллер, помнишь такого, сейчас сам на лечении в Америке. Но мне повезло: я несколько месяцев посещал его занятия. А

²⁷ Убийство на бытовой почве еврейской девушки Эльзы Ньего в 1927 году в Турции спровоцировало антиправительственную демонстрацию, реакцией на которую стали антисемитские выступления в прессе, а несколько протестующих были арестованы по обвинению в оскорблении «турецкости» – под этим обобщенным названием подразумеваются Турция, турецкая нация или турецкие правительственные органы.

²⁸ «Кюллюк» – *тур.* «Пепельница», популярная в 1940–50-е годы у стамбульских студентов и преподавателей кофейня, была снесена в 1950-е при реконструкции площади Беязыт.

однажды повезло из угла смотреть, как он удаляет желудочную грыжу по методу, который он сам изобрел сам и который носит его имя!

От патологии Исмаил перешел к методу Мюллера. Он рассказывал об операции во всех подробностях, а затем воодушевленно спрашивал:

– Потрясающе, правда?

– Великолепно! – отзывалась Фрида.

За последние месяцы Исмаил сильно похудел: щеки ввалились, под глазами появились синяки, а ямочки-запяты на щеках стали глубже. Зажигая сигарету, он старался докурить ее до конца, а чай пил мелкими глотками. Он продолжал рассказывать Фриде о других операциях, в которых ему довелось участвовать.

– Можешь представить, теперь во время аппендэктомии разрез делают всего в несколько сантиметров. Огромные зобы удаляют под местной анестезией, словно волосок из масла вытаскивают. Мне кажется, что мы сейчас на очень важном повороте, а после него развитие медицины помчится с невиданной скоростью!

Фриде вспомнились его слова, которые он произнес в начале их знакомства: «Находишь больной орган, чинишь его, а затем все закрываешь и сшиваешь! Все в твоих руках!» Она была рада за него, за то, что он выбрал специальность настолько себе по душе. Она уже собиралась сказать, что рада за аппендициты и зобы, как он внезапно сменил тему:

– Здесь прохладно. Возьми вот, прикрой плечи, не то заболеешь. Ты совсем бледная, – с этими словами Исмаил снял с себя пальто и накинул на Фриду.

– Но ты сам замерзнешь!

– Мне ничего не будет.

Он сидел, откинувшись на спинку стула, в одной рубашке с закатанными рукавами, и смотрел на Фриду. Девушка почувствовала, как краснеет под этим полным любви, но таким властным и сильным взглядом. Она огляделась по сторонам, на соседние столики, словно бы искала у них помощи.

Чуть поодаль сидел худой смуглый юноша в очках с толстыми линзами. Словно почувствовав ее взгляд, он поднял голову и радостно помахал им. Это был самый близкий друг Исмаила, Садык.

– Привет, Фрида. Сыграешь в шашки, Исмаил? Я хочу отыграться!

– Садык! Мы тебя не заметили, иди к нам!

Исмаил стал расставлять шашки, а Фрида встала у него за спиной, чтобы наблюдать за партией.

Счастье должно быть именно таким: когда за окном дождливый октябрьский вечер, и сильный ветер срывает оставшиеся листья с деревьев и качает ветви, пока прохожие семят под зонтами, сжавшись от холода, пока воды с неба вылилось так много, что по лужам ходят волны, ты сидишь в переполненной друзьями и товарищами кофейне и сквозь клубы сизого табачного дыма смотришь, как твой любимый играет в шашки, прихлебывая горячий чай.

Ноябрь 1940, Мода

На выходных Фрида, улучив момент, подошла к матери и спросила:

– Ты знаешь, кто такая Эльза Ньюго? Что с ней произошло?

– Одна бедняжка, которая решила расстаться со своим возлюбленным-турком, а он ее за это убил. Это случилось много лет назад, ты была еще маленькой. А с чего ты вдруг об этом вспомнила?

Броня Шульман чистила рыбу. Не дождавшись ответа, она подняла голову и пристально посмотрела на дочь. Мелькнуло ли во взгляде матери подозрение, или Фриде только показалось?

– Ее историю следовало бы вдалбливать всем еврейским девицам, чтобы им не пришлось в голову путаться с турецкими мужчинами, – добавила мать.

Фрида только кивнула в ответ. Лишь бы мать не заметила, что она дрожит.

В то воскресенье около пяти часов Ференц вновь постучался в дверь их дома. На нем был все тот же тонкий плащ, а в руках коробка шоколадных конфет, только гораздо больше прежней. Раскрасневшаяся от волнения Эмма пригласила его в гостиную, где собралась вся семья. Фрида и мать, которые знали о цели визита, волновались не меньше будущих жениха с невестой. Самуэль Шульман встретил Ференца сухим кивком и указал ему, куда сесть.

От Ференца глаз было не отвести: костюм с белой рубашкой, яркий галстук. Фрида заметила, что его до синевы выбритые щеки тоже покраснелись; от его уверенности, от его невозмутимости, с которой он держался в прошлый раз, не осталось и следа. Он уселся на краешек кресла и крепко сжал чайный стаканчик армуд, словно боясь его уронить. По всему было ясно, что разговор предстоял серьезный.

Сначала они поговорили о погоде, о войне, о греческом сопротивлении и об итальянской атаке, о занятиях в университете, о застое в делах господина Шульмана. Эмма вдруг начала бестактно покашливать и поглядывать на часы, а когда взгляды собравшихся устремились на нее, нервно рассмеялась. Ференц, поглядев на нее, словно набрался смелости, прочистил горло и сразу перешел к главному.

– Господин Шульман! Единственная причина, что я сижу сегодня здесь перед вами, – это то, что семья моя далеко, в Будапеште, как вы уже знаете. А раз в Стамбуле у меня родственников нет и нет даже ни одной семейной пары, которая бы могла назваться моими друзьями, то мне приходится самому просить у вас руки вашей дочери Эммы. Я понимаю, что вы слишком мало знаете обо мне, но будьте уверены: я очень люблю Эмму, у нас общие взгляды на жизнь и общие идеалы, и мы составим хорошую пару.

Фриде в какой-то момент показалось, что Ференц никогда не закончит говорить.

Самуэль Шульман, который слушал его с бесстрастным лицом, дождавшись, когда Ференц наконец замолчал, тоже повел речь спокойно и неспешно.

– Видите ли, Ференц-бей... Мне-то в жизни надо только одного...

Только услышав эти слова, Фрида сразу подумала, что дело будет нелегким, и сочувственно посмотрела на мать и старшую сестру. Казалось, между двумя мужчинами сейчас начнется дуэль.

– Прежде всего, я должен откровенно сказать вам, что ненавижу скоропалительные решения и поступки. Вы-то, конечно, этого не знаете, но вот моя дочь Эмма об этом знает, и уж она-то должна была заранее предупредить меня о цели вашего визита. Ну да ладно! Я с ней еще потом поговорю об этом серьезно. А сейчас давайте вернемся к разговору о вашем сватовстве... Я...

Он ненадолго замолчал, и Эмма решила было вмешаться: «Папочка...» Но отец остановил ее решительным взмахом руки и продолжил все тем же спокойным тоном:

– Я не согласен. Возможно, что вы – вполне достойный молодой человек, но дочь моя может выйти замуж только за еврея. Вы, конечно же, представились евреем, чтобы жениться на моей дочери, но у меня сложилось впечатление, что вы не из нас.

– Вы намекаете, что я лгу, Шульман-бей? – перебил его Ференц. Голос его звенел. Эмма легонько коснулась его руки, и он осекся, сумев сдержать себя. Однако было заметно, что он напряжен.

Но Самуэлю Шульману не было никакого дела до его чувств.

– Да! Я уверен, что вы назвали евреем ради моей дочери. Пожалуйста, простите меня. Я уже говорил, что люблю говорить со всей прямоотой, я не люблю ходить вокруг да около, наводить тень на плетень. Для меня моя вера священна так же, как и моя семья. Докажите мне, что вы еврей, и тогда я позволю вам жениться на моей дочери.

– Но как? Я не понимаю вас! Как же я могу это доказать?

Лицо Ференца покраснелось, и было видно, что он теряет самообладание.

У матери и сестер промелькнула в голове одна и та же мысль, потому что, услышав предложение отца, они раскрыли глаза от изумления. Эмма даже вскочила со стула. Она не знала, то ли кричать от ярости, то ли смеяться, она тоже не могла больше держать себя в руках. Фрида была растеряна. Не может же отец принудить Ференца выполнить подобную просьбу!

– Даже если вы обрезаны, это еще ни о чем не говорит, – продолжал глава семьи, словно прочитав мысли окружающих. – Многие христиане тоже делают обрезание. Я прошу у вас документ из раввината города Будапешта, подтверждающий, что вы истинный иудей! Только и всего! Представьте мне такую бумагу – и получите мою дочь! Нет бумаги – нет дочери. Это мое последнее слово, Ференц-бей.

Фрида не решалась поднять взгляд на молодого человека, которому пришлось терпеть такое унижение за свою любовь. Она только слушала его.

– Хорошо, эфенди. Пусть это и очень трудно сделать во время войны, но я попытаюсь достать для вас этот документ.

Броня с Эммой плакали. У Фриды тоже слезы навернулись на глаза. Ференц встал, он был невероятно бледен и яростно кусал губы.

– Не смею вас больше беспокоить. С вашего позволения, – произнес он и, поклонившись присутствующим, направился к выходу, Эмма пошла за ним. Остальные остались на своих местах. Затем заплаканная Эмма с растекшейся по щекам тушью вернулась в гостиную и, отказавшись от ужина, ушла к себе. Фрида не нашла в себе сил утешать сестру. Она отправилась к материю в кухню, чтобы помочь ей. Броня разогрела ужин, бормоча под нос:

– Какое упрямство! Какое же упрямство! Разве можно быть таким упрямым! Твой отец превратился в настоящего восточного тирана! Скоро, вот увидишь, запрет нас втроем в гареме.

Тирания восточных мужчин и их повсеместное стремление запереть любую женщину в гареме были у Брони притчей во языцех. Фрида промолчала. Взяв в руки поднос с тарелками и стаканами, она вышла в столовую и принялась накрывать на стол.

За ужином никто ни слова не произнес об Эмме и Ференце. Разговор вообще не клеился. Напряжение висело в воздухе, его почувствовал даже Валентино и предпочел на всякий случай исчезнуть.

Чтобы разрядить тяжелое молчание, включили радио. Уверенный мужской голос зачитывал постановление о военном положении, объявленное неделю назад в шести провинциях, включая Стамбул.

– Храни нас Господь! Дела все хуже и хуже... – глубоко вздохнула Броня и повернулась к Фриде. – А если введут комендантский час? Как тогда ты будешь ездить на учебу?

– Многие студенты живут далеко от семьи. Буду жить как все, ведь сейчас война, время воевать...

– Верно, доченька, так и надо – что все делают, то и ты делай! Однако умоляю тебя: не ходи без надобности одна по улицам. Как вышла из университета, сразу в пансион!

Стояла ночь. Фрида, Эмма и их возлюбленные бежали по узкой, безлюдной и темной улице, а за ними гнались длиннородые раввины в черных шляпах и лапсердаках и бормотали молитвы на древнееврейском. В руках у них были ножи, чьи лезвия блестели в темноте. Кажется, это были ножи для обрезания! Дыхание одного из преследователей коснулось затылка Фриды, и от ужаса она проснулась.

Было шесть часов утра, за окном все еще темно.

«Ох, папа-папа! Какие сны мне из-за тебя снятся!» – пробормотала она, а затем улыбнулась, осознав, что ей впервые в жизни приснился сон на турецком.

Она встала, протерла глаза, вышла на лестницу и направилась к умывальнику, скрытому за занавеской в цветочек. Линолеум под босыми ногами был холодным как лед. Из других комнат не доносилось ни звука. Очень хорошо. Ей хотелось ускользнуть из дома, чтобы никто не видел.

Фрида была уверена, что успеет на первый паром. Небо еще только начинало розоветь. Она шагала быстро, но при этом внимательно глядела себе под ноги, чтобы не споткнуться на брусчатке. Когда она свернула за угол, показалась пристань, и Фрида ускорила шаги. Вдалеке, в утренней дымке, белоснежный как чайка корабль стоял у причала. Вскоре раздался свисток контролера. Когда Фрида подошла к пристани в компании еще нескольких ранних пассажиров, небо, покрытое низкими тяжелыми облаками, разрезали яркие молнии, прогремел гром и хлынул дождь. Фрида побежала. «Пусть дождь смоем все беды, все несчастья», – молилась она, ступая на причал. Еще она подумала, что непременно найдет удобный момент и обсудит с Исмаилом трудности, которые сейчас переживает ее семья. Ей было интересно, что об этом думает он.

Декабрь 1940, Беязыт

Садык с самым серьезным видом вещал, что он думает о студентках в целом и о студентках-медичках в частности:

– Ну, во-первых, давайте согласимся, что самые красивые не здесь, а наверху, у юристов. Я изучил вопрос, так что знаю – никакого сравнения. Разница огромная!

Исмаил быстро взглянул на товарища, тот осекся, а Исмаил про себя усмехнулся. Садык может болтать что и сколько вздумается, но ему, Исмаилу, даже в голову не придет сравнить Фриду с кем-то еще. Потому что... Потому что это Фрида. Он заметил ее на анатомии, когда она вошла в морг вместе с однокурсниками. Блестящие каштановые волосы струились по безупречно накрахмаленному белому халату. Немного робкая, но очень искренняя улыбка. Фигурка такая тонкая и изящная, что, если бы не больничный халат, издали ее можно было бы принять за девочку-переростка. Потом он сталкивался с ней еще несколько раз: в саду, у входа в университет, на трамвайной остановке. Она отличалась от других девушек манерой одеваться, разговаривать, и она совсем иначе держалась с юношами. Она чем-то напоминала ему иностранцев – он подолгу разглядывал туристов в «Парк-отеле». Впоследствии он узнал, что, в принципе, она и была иностранкой. Еврейкой. Однако на женщин, живших с ними по соседству в Измире, которые на странном испанском прикрикивали на своих разыгравшихся ребяташек и жарили пирожки-*бойос*, она тоже не была похожа. У них дома, сказала она ему, говорят не на ладино²⁹, а на русском и иногда на идише, который похож на немецкий. И по-турецки она говорила очень правильно.

Садык, чтобы исправить свою неловкость, пробормотал: «Я, разумеется, не имею в виду присутствующих», но, почувствовав, что вот-вот увязнет еще больше, слегка покраснел. Однако он был не из тех, кто отступает:

– Даже если среди студенток медицинского факультета и попадется неземная красавица, я отказываюсь воспринимать ее как женщину. Потому что я все время буду видеть ее то за микроскопом, то за разглядыванием анатомических фигур, то – еще хуже – у трупа, в парах карболки, за диссекцией. Нет уж! Девушка, на которой я женюсь, должна быть превосходной домохозяйкой, и только. Все свое время она будет посвящать дому, приготовлению вкусной пищи, воспитанию детей и именно этим помогать мне в жизни. И пусть она будет не очень набожной, но она должна быть крепко привязана к нашей религии, к ценностям нашего народа, к нашим традициям и обычаям, она должна быть настоящей правверной мусульманкой!

«Привязана к нашей религии... к ценностям нашего народа... Что с ним сегодня такое? – думал Исмаил. – Обычно он не такой бестактный. Должно быть, от усталости».

Но сейчас мысли Исмаила были больше заняты отцом, который уже давно болел, постоянно кашлял, и Исмаил, который дома ночевал от случая к случаю, так и не нашел времени заняться его здоровьем как следует.

– Все, хватит болтовни, пошли, – сказал Исмаил Садыку несколько холодно. – Не стоит опаздывать на занятия.

Юноши ускорили шаг, тихонько вошли в аудиторию и, протолкавшись вперед, встали недалеко от преподавателя. Профессор собирался демонстрировать случаи из врачебной практики. Рядом с ним стоял очень маленький мальчик. Ассистент профессора только что начал перекличку по списку.

Профессор повернулся к Исмаилу:

– Иди сюда, будешь держать мальчишку во время осмотра.

²⁹ Ладино, сефардский язык – язык евреев, живших в средние века на Пиринейском полуострове, относится к романской группе.

Иди, Исмаил, будешь держать мальчишку во время осмотра; иди, поменяй повязку койке 22, а койке 25 сделай инъекцию кальция в бедро. Бегом...

Исмаил приходил, уходил, бегал, делал все, что от него требовалось, и делал безупречно. Однако за этой беготней и суетой нередко упускал нечто важное. Сейчас – болезнь отца.

Он спрятал в карман халата приготовленные блокнот и ручку и подошел к мальчику. В это время ассистент начал читать громким голосом:

– Джевдет, сын Али, пять лет, родом из Стамбула...

– Погромче и помедленнее, ничего не слышно! – раздалось из задних рядов.

Ассистент начал читать совсем медленно:

– Джевдет... сын Али...

Его перебил насмешливый голос профессора:

– Господи, *мон шер*, попросили же тебя медленней и громче, а ты теперь словно радиодиктант читаешь!

И, перебив ассистента, сам продолжил:

– Это мальчик год назад играл на улице и упал. Начиная с того дня у него начались боли в левом *артикуляцио коксэ*, а в *регио унгвиналис*³⁰ образовалась опухоль.

Тут профессор внезапно повернулся к студенту, стоявшему рядом, и спросил:

– Какие органы я упомянул?

Студент, казалось, ответа на вопрос не знал. Профессор тут же отвернулся от него и обратился к Исмаилу:

– Ну-ка, покажи его пах!

Мальчишка тут же завопил, словно его резали:

– Дяденька, не надо! Не надо!

Но Исмаил тут же протянул ему конфету и что-то прошептал на ухо, так что малыш успокоился и позволил себя раздеть.

После занятия Исмаил, когда все студенты еще только расходились, подошел к Садыку:

– Не найдется ли у тебя пары конфет? Дай мне, пожалуйста, я обещал их мальчику.

– Он уже давно про них забыл!

– Ну и что! Я ему обещал. Нельзя нарушать обещания!

– О господи, Исмаил! Послушать тебя, так ты как будто контракт у нотариуса подписал!

Конфеты у меня завалились, но они уже как камень, смотри, чтоб он следом за *коксэ* зубы себе не переломал!

– Давай-давай, я скажу ему, чтобы ел осторожно!

Вручив мальчишке конфеты, Исмаил направился в операционную. Может, еще удастся застать конец какой-нибудь интересной операции.

Но в операционной было тихо. Исмаил посмотрел на пустой блестящий стол. Сейчас на него здесь нисходили покой и умиротворение, но год назад он чуть было не упал в обморок.

Профессор Мюллер еще не уехал в Америку... Что они тогда резали? Руку? Ногу? Да, кажется, была ампутация гангренозной ноги. Исмаил стоял поодаль вместе с другими практикантами; это была первая операция, которую он наблюдал. Он стоял на цыпочках и изо всех сил тянул шею, чтобы разглядеть, как двигаются инструменты в умелых руках на небольшом участке плоти, окруженном белой простыней. Медсестра плотно обмотала ногу до колена ватой. Исмаил, который в тот день не завтракал, смотрел как зачарованный на надрез. Внезапно у него в ушах зашумело, его бросило в пот. Мюллер начал пилить кость. В конце концов нога с сухим хрустом отделилась от тулова, и у пациента стало на одну часть тела меньше, теперь он будет инвалидом до конца жизни. Голова у Исмаила кружилась и от увиденного, и от осознания

³⁰ *Соотв.* тазобедренный сустав и пах (*лат.*).

человеческой трагедии, он понял, что вот-вот упадет в обморок. Рука его безуспешно пыталась за что-нибудь ухватиться, но медсестра вовремя заметила, что происходит, и быстро вытолкала его на свежий воздух. «Сынок, ты тут впервые?» – насмешливо крикнул вслед ассистент.

Отдышавшись, Исмаил пообещал себе, что такое больше не повторится.

– Хочешь верь, хочешь нет, но я поначалу очень боялся вида крови! – рассказывал ему Садык. – Я несколько раз резал свои собственные руки и ноги и заставлял себя смотреть, как льется кровь. Смотрел, пока не прошли страх и отвращение. И мне удалось победить себя!

Странный парень Садык. Мудрый как джинн. И такой же дотошный, въедливый и насмешливый. Во врачи он пошел по настоянию отца, ветерана мировой войны, возможно, против собственной воли. А теперь пытается доказать – отцу и, возможно, себе, – что сумел преодолеть все препятствия. Он действительно в этом очень преуспел.

Но с Исмаилом было все иначе: он давно мечтал стать хирургом, и иных стремлений у него не было. Ему не нравилось долго искать, уточнять, ставить диагноз, а потом лечить болезнь, скрывавшуюся в организме. Он больше доверял собственным рукам. Ему хотелось побеждать болезнь единственным путем: вскрывать больное место, находить болезнь, касаться ее, вынимать, вычищать, закрывать рану, зашивать ее. И... Да, верно как-то сказала Фрида: и властвовать.

Декабрь 1940, Беязыт – Бейоглу

Наконец он вышел в сад и подошел к Фриде, ждавшей его на скамейке. Он собирался проводить ее до пансиона. По-хорошему следовало бы идти домой, но не хотелось лишиться возможность увидеть Фриду, поговорить с ней.

Они вышли из трамвая и пошли по улице Истикляль, погруженной в кромешную тьму затемнения. Внезапно Фрида сильно схватила Исмаила за руку. У нее был такой вид, будто она чем-то напугана.

– Я сейчас понимаю, что испытывают слепые. Какое ужасное состояние! – сказала она.

– Чего ты так боишься? Почему так громко говоришь? Ты слепых понять хочешь или глухих?

– Ты прав. В такой тьме теряешься. Смотри, непонятно, в какую сторону мы идем – к Тюнелю или к площади Таксим.

– Успокойся и прислушивайся к шуму трамваев и машин.

Исмаил крепко держал Фриду за руку и почти тащил ее в сторону улицы Каллави. Чтобы успокоить ее, он заговорил о другом:

– Скажи лучше, у вас там мнение никак не поменялось?

– Нет, не поменялось.

– Значит, отец упорствует и не разрешает сестре выйти замуж за того человека только потому, что сомневается, еврей ли он?

– В общем да, но дело не только в этом.

– А мне кажется, что только в этом. То, что этот юноша университетов не кончал и профессии толком не имеет, – только предлог... Аллах-Аллах, что ж это такое! Как, оказывается, для вас религия важна!

Фрида вздрогнула, и Исмаил это почувствовал. Его эти «вы», «у вас», «для вас» пугали ее. Несколько раз она даже рассердилась: «Как ты говоришь?! Словно о каком-то африканском племени!» Но разве не сама Фрида толкнула его, Исмаила, на такие разговоры своими неосторожными словами о «вас, турках»?

Но продолжила спокойно:

– Дело не в религии, а том, что цепь длиной в пять тысяч лет прервется на его дочери. Вот из-за чего отец расстроен.

Внезапно Фрида напомнила Исмаилу старшую сестру Баисе, когда она поучала его, и ему сделалось тоскливо. Он пожал плечами, словно желая показать, что ничего не понимает.

– Что за цепь? Что может прерваться? Ведь у твоего отца нет никаких доказательств, что парень не еврей, только подозрения... И дело в этом! И все беды в мире – от такого образа мыслей и от таких идей.

– То есть ты винишь евреев в том, что в Германии над ними сейчас издеваются, притесняют и унижают, и сами евреи виноваты в том, что в Российской империи были погромы? По твоему, консервативное сознание навлекает на евреев все эти беды?

Голос Фриды дрожал и звенел.

Исмаил осознал, что они на пороге большой ссоры, и, хоть это было и не в его характере, примирительно сказал:

– Успокойся, пожалуйста! Разве я так говорю? Я говорю, что такой образ мыслей слишком жесткий и может принести людям только несчастья. Ты лучше всех знаешь, насколько я против Гитлера и его нацистских законов.

Упоминание Гитлера повернуло спор молодых людей совсем в другую сторону, они принялись обсуждать свои наблюдения касательно войны.

Исмаил втайне радовался, что они все же не поссорились. Они свернули на улицу Каллави и подошли к пансиону.

Садык сказал, что женится на той девушке, «которая крепко привязана к нашей религии, к ценностям нашего народа, к нашим традициям и обычаям»...

Перед дверью он жарко поцеловал Фриду в губы и, словно бы специально желая воспользоваться царившей вокруг кромешной тьмой, обнял ее крепче обычного, может быть, даже немного грубо.

Фрида торопливо отстранилась. «Спокойной ночи», – сказала она и мягким, но решительным движением закрыла дверь прямо у Исмаила перед носом.

Декабрь 1940, Султанахмет

Взволнованный после поцелуя с Фридой, Исмаил, сам того не замечая, не шел, а летел и быстро оказался на площади Таксим, где на ходу запрыгнул в трамвай, фары которого тоже были закрыты маскировкой.

Дорогой он думал об их отношениях с Фридой, хотя это было для него непривычно. Что значила для него эта девушка? Чем все это кончится? Ясных ответов на эти вопросы у него пока ни в мыслях, ни в сердце не было. Очевидно было одно: до знакомства с Фридой он и поверить не мог, что способен к кому-то так привязаться. Он уже не представлял жизни без нее, а все прежние годы, когда он ее не знал, казались ему теперь какими-то ущербными. И дело было не только в самой Фриде. Она открыла ему дверь в неизведанный мир; она жила по незнакомым ему обычаям и традициям, обожала классическую музыку, любовную лирику Пушкина, стихи которого она мастерски переводила на турецкий: писала на клочках бумаги и клала ему в карман рубашки...

Он снова вспомнил слова Садыка об обычаях, традициях, о религии; неужели эти вещи смогут отдалить их друг от друга, неужели они станут пропастью между ними? Он вспомнил, каким холодным и злым голосом Фрида говорила о погромах и о прерванной цепи рода и какой чужой и далекой показалась ему в тот момент...

Черт бы побрал этого Садыка с его болтовней! Только его советов еще не хватало, как ему, Исмаилу, жить! Еще слишком рано принимать решения об их с Фридой совместном будущем. Слишком много идей и планов, которые нужно уместить в предстоящие годы. Прежде всего – карьера врача.

Он свернул на одну из улочек, упивавшихся в площадь Султанахмет. Сразу за поворотом, посреди заросшего сада стоял деревянный особняк, выкрашенный белой краской, куда они недавно переехали. Исмаил остановился.

«Какой он красивый снаружи, и только мы знаем, какая это развалюха на самом деле», – подумал Исмаил, доставая ключ и вставляя его в скважину латунного замка с дверным молотком. Он вошел в прихожую, заставленную обувью домочадцев, вдохнул полной грудью привычный домашний запах жареного лука с маслом, циновок, старой мебели. Он несколько раз громко постучал в одну из многих дверей, выходящих в прихожую. Почти сразу открыла мать:

– Входи, сынок, добро пожаловать!

Исмаил оставил ботинки, вошел в комнату, наклонился к матери и нежно расцеловал в обе щеки.

– Рад тебя видеть, мама! Как отец? Сильно кашлял сегодня?

По короткому узкому коридору они прошли в довольно просторную гостиную с высоким потолком, окна которой выходили на улицу.

Их семья занимала в особняке *селямлык*, мужскую половину, которая когда-то предназначалась для приема гостей, где от былого великолепия осталась только старая ветхая мебель; затейливая резьба на потолке, резные перила старой скрипучей лестницы и узорчатый дубовый паркет создавали своеобразный контраст с общим запустением, и Исмаил подумал, что отсюда тоже нужно уехать как можно скорее.

– Нам нужно перебраться в обычный многоквартирный дом, как только появится возможность! Жизнь в старинном особняке ничего, кроме трудностей, не дает!

По периметру гостиной стоял длинный старинный седир, покрытый тканью в цветочек; на сидире сидели отец и Баисе. Исмет сидел на полу, скрестив ноги, и что-то читал. Посреди комнаты стоял мангал, от которого тянуло приятным теплом. Только теперь Исмаил снял с себя пальто.

– Погреть тебе немного супа? – предложила мать.

– Не хочу, спасибо, мама. Я поел по пути, – отказался Исмаил. Он бросил взгляд на отца, который с утра сидел на одном месте, как и в предыдущие дни. У Исмаила тоскливо заныло сердце. Казалось, отец даже не собирается вставать с тахты, так и будет сидеть на ней вечно, с четками в одной руке и сигаретой в другой.

Асим-бей почувствовал на себе взгляд сына и хотел было что-то сказать, но его сразил сильный приступ кашля, резкого, сухого, гулкого, от которого чуть не рвались легкие. Казалось, он сейчас задохнется.

– Постой, отец, не волнуйся только! Не сгибайся, ты так только затрудняешь себе дыхание. Попытайся остановиться. Исмет, принеси воды, быстро!

Исмаил почувствовал, как его охватывает паника, и тут же рассердился на себя. Ему удалось справиться с волнением. Он наклонился к отцу, положил ему руки на ребра и начал разминать спину, пытаясь заставить отца расслабиться. Только сейчас он заметил, как отец исхудал. Кости можно было пальцами пересчитать.

Наконец приступ закончился. Лицо и глаза Асим-бея сильно покраснели. Исмет принес воду, и отец опасливо сделал несколько глотков, опасаясь нового приступа.

– В этом году никак не проходит, – с трудом выговорил он.

Исмаил хотел было ответить, но не смог. Он подошел к Баисе, которая тоже сидела на седире поодаль, обложившись тетрадами с контрольными. Чтобы разрядить повисшее напряжение, Исмаил в шутку снял с носа сестры очки в толстой оправе.

– Хорошей работы, учительница-ханым! Пожалуйста, сиди, не вставай, иначе тетради разлетятся!

– Я очень ждала, когда ты вернешься! Нам надо поговорить, – прошептала сестра.

Он предполагал, что предстоит серьезный разговор и лишь кивнул: конечно.

– Кашель у отца все не проходит. Этот приступ еще ничего, утром он кашлял так, что изо рта у него пошла кровь. Пожалуйста, возьми его с собой в больницу. Пусть кто-то из твоих наставников его посмотрит, – прошептала она.

В этот момент из кухни вошла мать, которая, несмотря на слова Исмаила, принесла ему тарелку тарханы³¹ и несколько кусков хлеба.

– Поешь, сынок, пока горячий! В такую погоду полезно, согреешься! О чем вы шепчетесь, дети? Баисе, доченька, оставь Исмаила в покое, дай ему поесть, пока суп не остыл!

– Спасибо, мама! Я съем суп! – ответил Исмаил, уступая матери.

– Хорошо, сестричка, не волнуйся, я все решу, – добавил он.

«Я все решу!» Этими словами он почти с самого детства всегда успокаивал не только родных, но и многих друзей, знакомых и соседей. И всегда держал свое слово, как бы трудно не было. В любом случае, лучше так, чем оставаться в стороне и просто смотреть.

³¹ Тархана – традиционный турецкий суп из муки и кислого молока, приправленный мятой.

Май 1928, Измир

Ученики последнего класса начальной школы Исмаил Асим оглу³² и Эмин Мехмет оглу быстро подчистили содержимое обеденных мисок и вышли в сад. Не только погожий день выманил их сюда, но и тайная сигаретка, которую можно выкурить, пока все в столовой. И хотя вокруг не было ни души, они все равно вскарабкались на раскидистую чинару и, скрывшись в ее пышной молодой кроне, раскурили по сигарете, которые стащили каждый у своих отцов. Затеял все Исмаил. Он очень любил курить, как его отец, и курил при каждом удобном случае, несмотря на наказание, грозившее в случае поимки. Так и сейчас. Они с чувством удовольствия и вины вдыхали дым, не спуская глаз со школьной двери. Через пару затяжек оба свесили обритые налысо головы между веток и прищурились:

– Смотри-ка, к нам гости! Целая делегация! Важные птицы, надо думать! Сторож изда- лека бежит встречать. Весь изогнулся перед ними!

– Директор говорил, что сегодня сам губернатор приедет на открытие выставки рисунка и рукоделия. Наверное, это он!

– Наверняка! Ой, смотри, сторож их бросил и куда-то ушел, наверное, сообщить дирек- тору! Как не стыдно оставлять таких гостей одних!

Исмаил задумался, а потом решительно сказал:

– Ну что, пойдем. Пока директор не пришел, мы покажем губернатору выставку. Что тут такого?

– А если он вопросы будет задавать? Опозоримся, да и только!

– Предоставь дело мне, я все решу!

Они торопливо затушили сигареты о ствол, спустились, отряхнулись и направились к школе. Исмаил впереди, Эмин следом. Исмаил сразу узнал по газетным фотографиям в раз- гневанном человеке губернатора. Внезапно ему стало страшно. Но пути к отступлению уже не было. Поэтому Исмаил смело подошел к губернатору, стараясь подавить дрожь в голосе, пред- ставился и представил товарища и добавил, что сейчас все в столовой, но скоро обед кончится, все вернутся, а пока они с товарищем будут рады показать господину губернатору выставку.

Гнев на лице губернатора сменила широкая улыбка.

– Ах, сынок, какая учтивая речь у тебя! Ну что ж, давай, покажи нам эту выставку! Я хочу, чтобы ты рассказал мне и о школе! Сможешь?

– Конечно же, господин губернатор!

Когда была основана школа, как звали директора и лучших учителей? Что им преподают? Исмаил выдержал целый град вопросов и на каждый ответил без запинки. Осмотрев выставку, напоследок губернатор спросил, есть ли там и его, Исмаила, рисунок.

– Да, господин губернатор!

Исмаил показал свою работу, а затем, чтобы не расстраивать товарища, который все это время молчал, указал и на его рисунок:

– А это нарисовал мой товарищ Эмин, господин губернатор!

– Очень красиво! Не удивлюсь, если твой товарищ в будущем станет архитектором. Но и ты парень не промах. Ну-ка, скажи, кем ты мечтаешь стать?

Исмаил коротко взглянул на возвышавшегося перед ним величавого человека с пышной свитой...

– Я хочу стать губернатором, как вы, эфенди! – смущенно проговорил Исмаил.

Губернатор усмехнулся:

³² «Оглу» и предшествующее второе имя – традиционное добавление к основному имени в Турции, сродни русскому отчеству, *букв.* «сын такого-то».

– Будешь много трудиться, прикладывать усилия – непременно добьешься того, чего желаешь. Полагаю, ты парень с характером и сможешь всего достичь.

Исмаил молился только, чтобы предательски не покраснело лицо. Тут он увидел, что к ним бегут директор школы и его заместители, которых разыскал наконец сторож. На этом его дело можно считать сделанным. Исмаил хотел отойти в сторонку, однако директор, подойдя к высокому гостю, принес тысячу извинений, а затем представил Исмаила с Эмином: «Это наши лучшие ученики!» А после этого добавил: «Большое спасибо, мальчики! Поцелуйте господину губернатору руку и ступайте в класс. Урок начинается!»

Но губернатор, восхищение которым у Исмаила росло с каждой минутой, продолжал нахваливать мальчика:

– Поблагодарите от меня учителя этих мальчуганов! И поздравьте! Ему удалось воспитать двух блестящих юношей! Нашей стране нужны такие ребята, такая молодежь!

– Учительницу этих мальчиков зовут Баисе-ханым, господин губернатор, я непременно передам ей ваши замечательные слова, – пообещал директор.

Исмаил про себя взмолился, чтобы директор не сказал, что Баисе-ханым – его родная сестра. Он всегда немного стеснялся этого. Тем временем губернатор, не дав директору школы возможности говорить дальше, пожал ему руку, погладил мальчишек по голове и уехал.

В конце того волнующего дня Баисе крепко обняла Исмаила:

– Оказывается, господин губернатор очень хорошо отозвался о тебе! Мне передали его поздравления! Может, благодаря тебе меня повысят, – сказала она, нежно потрепав младшего брата по щеке.

Исмаил даже слегка испугался, не воодушевит ли похвала губернатора сестру еще больше вмешиваться в его, Исмаила, жизнь. И так предостаточно!

Поцеловав брата, Баисе поморщилась:

– Ты что, опять курил тайком? Как не стыдно!

– Слово даю, больше не буду! Но не забудь, что тебя скоро повысят благодаря мне. Так что папе ничего не говори!

– Я сказала, может быть! Пока никто ничего мне не говорил! Не будь таким самоуверенным! Так и быть, дома я никому ничего не скажу, но и ты тоже знай свое место! Что это еще такое – курить в одиннадцать лет?! Как тебе не стыдно! Если я тебя еще раз за этим поймаю, тебя не поздоровится!

Исмаил крепко взял за руку первоклассника Исмета, который стоял и терпеливо ждал, пока старшие брат с сестрой закончат разговор. Малыш смотрел на Исмаила с восхищением.

– Ты правда познакомился с самим губернатором? Жал ему руку?

– Правда! Ничего особенного. Давай, пошли домой. Не отвлекайся!

Но всю дорогу, пока они шли домой, Исмет продолжал засыпать старшего брата вопросами.

– Губернатор очень важный человек? А он даст тебе медаль?

Январь 1941, Мода

Фрида открыла окно, чтобы проветрить комнату. Приоткрыв ставни, она выглянула на улицу, и в лицо ей ударил ледяной ветер, так что остатки сна сразу испарились. Она торопливо закрыла окно.

Тишину воскресного утра в Мода нарушал только звон колоколов церкви Святого Павла, эхом разносившийся по безлюдным улицам.

Фрида глубоко вздохнула. Она наслаждалась покоем. Скоро завтрак, за которым опять придется выслушивать бесконечные семейные перепалки. Так проходили выходные вот уже целый месяц. Отец не преминет начать перечислять свои претензии к Ференцу, которого считал подозрительным чужаком, а Эмма будет, как может, защищать своего возлюбленного, а отец укажет ей на то, что она проявляет неуважение и ведет себя с родным отцом слишком грубо, так что лучше ей помолчать. Иногда Эмма плакала, и тогда ее мать принималось утешать дочь, уговаривать мужа и тоже пыталась убедить его, что Ференцу, без сомнения, можно доверять. Но тщетно. Самуэль Шульман оставался непреклонен. Фрида пыталась заниматься, но это было нелегко.

Спустившись к завтраку, она сразу поняла, что споры уже начались. Эмма сменила тактику и больше не требовала справедливости, но, словно провинившийся ребенок, делилась с отцом своей болью. Ференцу никак не удавалось получить из главной синагоги Будапешта документ, который бы доказывал его еврейское происхождение. А контора-посредник, в которую он обратился после разговора с Самуэлем Шульманом, попросила за свои услуги непомерное пожертвование.

Эмма объясняла это тем, что в наше время, когда все стараются раздобыть справку, что они не евреи, тот, кто просит обратное, вызывает подозрения. Разумеется, про такого сразу думают: здесь что-то нечисто, какое-то мошенничество. Поэтому под предлогом того, что сейчас война и община переживает нелегкие времена, у него попросили много денег. Ференц такую сумму не может заплатить. И родители его не могут.

Тут Эмма понурилась.

– И ты по-прежнему доверяешь этому человеку? – возмущенно спросил отец.

– Да, доверяю, – упрямо ответила она.

Завтрак закончился в тишине, которую нарушали только звон вилок и ножей и глубокие вздохи Брони Шульман.

Сразу после завтрака Эмма скрылась в комнате, но ближе к обеду спустилась, громко топая каблуками по деревянным ступеням лестницы. На ней были темно-синее пальто и шляпа в тон, на лице не осталось и следа от утренней печали и слез. Длинные изогнутые ресницы были покрыты черной тушью, на губах лежал густой слой помады.

– Я ушла гулять. Счастливо оставаться.

– Ты ушла с Ференцем? – ледяным голосом спросил отец.

– Да, с Ференцем и с другими приятелями, – Эмма старалась говорить непринужденно. – Пойдем в кино на картину «От Майерлинга до Сараево», с Джоном Лоджем и Эдвиж Фейер в главных ролях. «Жертвы султаната» в турецком переводе. Потом сходим куда-нибудь в кафе, но допоздна засиживаться никто не собирается. Затемнение на всех наводит тоску. К тому же завтра рабочий день.

Прежде чем выйти, она чмокнула сестру и сказала:

– Хорошо позаниматься тебе, Фридушка.

А затем, наклонившись к ее уху, прошептала: «Говорю только тебе, Фридушка: мы не сдались. Мы обручимся и без этого дурацкого документа, будь он неладен, а когда пути назад уже не будет, отец ничего не сможет сделать».

Самуэль Шульман, должно быть, понимал, что не сможет запретить своей двадцатичетырехлетней дочери пойти в кино с друзьями, и потому промолчал. Он умело избегал споров, которые могут нанести ущерб его авторитету. Сейчас он принялся раскуривать трубку и, казалось, был занят только этим, но жесты его были нервными. Броня раскладывала на обеденном столе предметы, которые она принесла из кладовки: картон, ножницы, мерную ленту, клей. На время затемнения для ламп нужно было смастерить картонные колпаки, а на окна повесить темные занавески.

Фрида бросила на мать нежный взгляд. Та всегда умела утешить и найти выход из затруднения. Это занятие немного отвлечет отца, он скоро позабудет об утреннем разговоре. Все же отец упрям невероятно, но и сестра ему под стать. Что касается Ференца, то Фрида почему-то была уверена: под мягкой, интеллигентной внешностью скрывается решительная и даже безрассудная натура. И если отец не отступится от своих требований, семье грозит кризис. Хорошо, что мама сильная женщина, что у нее есть ученики, что она шьет занавески к затемнению и как ни в чем не бывало ведет корабль повседневной жизни: готовит из дешевых продуктов вкуснейшие блюда, печет пирожки, играет «Турецкий марш» Моцарта и поддерживает семью в целом и каждого по отдельности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.